

КРАСНОЕ

СТУДЕНЧЕСКОЕ

1927-1928

18

97-281
w18
502

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛЕТНЯЯ РАБОТА СТУДЕНТА В ДЕРЕВНЕ

Ленин В. И. О работе в деревне. (Ленинская 6-ка). Стр. 54. Ц. 15 к.

Культурное шефство над деревней. Сборник под редакцией С. И. Сырцова. Стр. 158. Ц. 65 к.

Наша практика в деревне. Из опыта практической работы студентов Политпросветительного института в Москве. (Главполитпросвет. Московский институт политпросветработы). Стр. 175. Ц. 1 р. 20 к.

Вопросы пропаганды в деревне. Антирелигиозная пропаганда, агропропаганда, сельскохозяйственные кружки. (Главполитпросвет. Б-чка политпросветработника. Под общей ред. Н. А. Рузер-Нировой). Стр. 132. Ц. 75 к.

Основные вопросы деревенской работы. Сборник. (Главполитпросвет. Б-чка политпросветработника. Под общей ред. Н. А. Рузер-Нировой). Стр. 186. Ц. 1 р.

Липовский А. и Еремин Н. Как вести справочную работу в деревне. (Московский политико-просветительный институт. Серия пособий для совпартшкол и самообразования деревенских политпросветчиков. Под ред. Д. Элькиной. Выпуск 1). Стр. 93. Ц. 50 к.

Деревенская политпросветработа. Материалы I Ленинградского губернского съезда избачей. Обработаны А. Г. Тарасовым. (Ленинградский Губполитпросвет). Стр. 197. Ц. 1 р. 40 к.

Основные виды работы избы-читальни. Составлено по материалам журнала «Коммунистическое просвещение». Изд. 2-е, исправл. и дополн. (ГПП. Б-чка политпросветработника. Под общей ред. Н. А. Рузер-Нировой). Стр. 222. Ц. 1 р. 60 к.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АГРАРНЫЙ ИНСТИТУТ

С. Г. УЖАНСКИЙ

КАК ОБСЛЕДОВАТЬ ДЕРЕВНЮ

Стр. 63.

Ц. 55 к.

Кузьмин-Ретенский Н. Агроном и изба-читальня. Стр. 47. Ц. 20 к.

Лежнев Ф. Агропропаганда и сельскохозяйственные выставки. (Московский политико-просветительный институт). Стр. 104. Ц. 85 к.

Авлон Гр. Как поставить спектакль в деревне. (Ленинградский губполитпросвет). Стр. 63. Ц. 25 к.

Петров Л. Инсценировки и постановки на деревенской сцене. Допущ. подсекцией работы со взрослыми Научно-политической секции ГУСа. (Выпуск III). Стр. 72. Ц. 35 к.

Нусинов И. Вокруг озера Селигер. (Три месяца культшефской работы в деревне). С пред. Я. Яковлева. Стр. 64. Ц. 30 к.

ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ ГОСИЗДАТА МОЖНО ПОЛУЧИТЬ НОВЫЙ КАТАЛОГ

БИБЛИОТЕЧКА ОТПУСКНИКА

РАБОЧЕГО, СЛУЖАЩЕГО, СТУДЕНТА, КРАСНОАРМЕЙЦА и др., ЕДУЩИХ В ДЕРЕВНЮ

КАТАЛОГ КНИГ

Стр. 32.

высылается бесплатно.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ и КИОСКАХ ГОСИЗДАТА

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КРАСНОЕ СТУДЕНЧЕСТВО

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
ЦБ И МБ ПРОЛЕТАРСКОГО
СТУДЕНЧЕСТВА

5 июня

№ 18

1927/1928 УЧЕБНЫЙ ГОД
ПЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

P.10502

КРАСНОЕ
СТУДЕНЧЕСТВО

Отпечатано в типографии Госиздата
„Красный пролетарий“. Москва,
Пименовская улица, д. 16.
Главлит № А—14317.
П. 11/Тиз № 26897.
Тираж 11000 экз.
Зак. № 6266.

Глава первая

— Да ты, товарищ, с луны свалился? Хы!..

— Нету. Из Большой Каменки я.

— Смешно слушать, хы... Дурак я, потвоему?

— Ей бо, товарищ комендант, мне бы только ночку одну переночевать.

— Хы! Вот люди... Ну, пусти тебя в общежитие,—что я не знаю: ведь потом никакими судьбами тебя не выселишь. Первый это у меня случай?

— Да вот посмотрите, ей же бо. Товарищ комендант...

— Порусски сказал: не могу. Вот люди!.. Пока ты не зачислен...

— Да вот же моя командировка. И я... комсомолец.

— Хы!.. А я партиец с семнадцатого. Ну и что же!

Так под гулкой старинной аркой ворот разговаривали двое. Один—молодой парень с веснушатым лицом, широкими буграми скул, толстым рассадыстым облупленным носом, с долгими, водянистыми, косо поставленными, как у лошади, глазами. И эти лошадиные глаза просили. И даже растрепанные лохмы грязно-светлых волос, гнилой соломой свисающие из-под картуза, просили.

Другой—лица у него не было. Но по его неумолимой фигуре, по тому, как нервно лязгал связкой ключей, было ясно, что это он и есть «товарищ комендант».

Голос коменданта, ударяясь о каменную арку, гудел и пугал ратерянного парня: вот-вот прямо на голову его обрушатся толстые и низкие своды. Оглушенному гулом нечаянного отказа, ему показалось, что все это было когда-то в детстве, в сказке: будто над головой в гремучей ступе ехала баба-яга.

— Значить, никак нельзя...—робко протянул он.

— Хы!.. Смешно слушать. Куда же я, на горб свой тебя поселю? Товарищ, ведь это же, пойми ты, Мос-ква!

Парню стало стыдно от этого слова, будто он тяжело в чем-то провинился, будто он в грязных лаптях вошел в крашеную горницу. И тут же злоба охватила на свою застенчивую стыдливость. Он сильно

раздвинул широкие плечи, котомка больно врезалась в тело, ноздри бесформенного носа раздулись, лицо стало совсем пунцовым, и веснушки поплыли по лицу, как зерновой перец в томате.

— Спасибо,—огрызнулся он срывающимся басом и сам испугался своего громко грохочущего голоса. Ошалело метнулся из-под арки.

— Хы... Вот люди! Приезжают с приволья, им кажется странным. Обижаются. Вот люди! А вы знаете, сколько здесь в общежитие налезло постороннего элемента, понимаете ли вы, нет! И нельзя ничем выселить. Ведь это с ума сойти, понимаете ли вы, нет!—кричал комендант в огорченную котомкой спину парня, возбуждаясь все больше от своих слов.

И потом, видя, что парень, не оборачиваясь, закачался по двору, и обрадовавшись необычной в его практике уступчивости парня, комендант прокричал более мирно.

— Рано ты приехал. Подожди, брат, выселю посторонних.

И уже совсем великодушно предложил:

— Багаж твой могу принять...

— Спасибо...—снова огрызнулся парень себе под нос. И будто от этого слова затуманилось все в глазах, набухших слезами обиды. Покачнулся парень и на миг остановился посреди двора. Комендант поспешно скрылся, опасаясь новой атаки.

Но парень не повернулся даже, крепко стукнул зубами, стараясь проглотить подступивший к горлу ком.

— Отдай тебе одежду, а потом ищи-свищи,—сердито подкинул подмышку одежный узел и вышел за ворота.

Посмотрел растерянными глазами в обе стороны пустынной окраинной улицы и бросил кому-то укор:

— Куда теперича?

И вдруг так ему жалко стало себя, что он даже засмеялся.

— Поцеловал пробой, да иди... А куда? На ночь глядя...

Там, у себя, на вольной Волге, чувствовал: вот есть Василий Иванович Большаков—отсек рекесема—молодая, но ответственная личность. А когда из самой Самары по кольцевой почте да прямо в Большую Каменку пришел со штемпелем пакет, а в нем Василию Ивановичу Большакову командировка в московский вуз—он почувствовал себя еще более ответственной личностью, у которой даже выросли крылья.

Правда, не туда командировка: в Тимирязевку он просился, на агронома, а в губкоме вышло так:

— Вот есть тут место одно по линии нацмена в какой-то новый вуз. Желających нет и послать некого,—сказал секретарь комиссии.

— Как так некого? А там у тебя ходатайство мордсекции за одного комсомольца-мордвина. Вот и...—сказал член комиссии.

— Двигай!—сказал председатель комиссии.

И двинулся Василий Иванович Большаков—молодая, но ответственная личность—на почтовом поезде «Ташкент—Москва». И всю дорогу до Москвы Василий Иванович Большаков себя чувствовал крылатым, под отцовым полушубком сердце билось соколом залетным. Думал: свою ответственную революционную личность привезет в Москву—и люди все, вся мировая столица, его увидят, отметят, оценят. Нечего говорить, что тут же дадут ему место в институте,—командированному самим губкомом, раненому в борьбе с гидрой в лице банды Сапожкова, банды Попова. Нечего говорить, что сразу окружают его учителями и начнут обучать наукам...

И снова рассмеялся:

— Дурак! Разлетелся... Держи карман—просыпешь.

В общежитие и то не пускают. Приема у них еще нет. Прием у них только через полмесяца. Да еще нужно у них держать какие-то приемные испытания.

— Испытатели...

Ровно и дела им нет, что приехал человек из деревни.

— Лицом к деревне, называется...

Ровно и дела им нет, что приехал раньше всех, раньше срока—загода, полаякая жадобой к науке.

— Наука трудящимся, называется...

Какой же он отсек рекесема Василий Иванович Большаков? Для них он просто—Васька сиволапый. А про гидру в лице банды Сапожкова, банды Попова они, поди чай, и не слыхали. Они сами, поди-кось, были в этих контра-революционных бандах. Знамо, были! Фактически! Васька злобно и обиженно-обиженно прищурился, и от прищурки этой лицо стало совсем мордовским. Еще раз оглянулся в обе стороны на институт, на узкую улицу, на громадные дома.

И такой маленькой вдруг показалась Ваське его каменная ответственная работа! Да и была ли она? Как ты им докажешь, ежели даже в общежитие не пускают на ночь глядя.

Васька испуганно сунулся в левый нутряной карман пиджака. И волосы зашевелились под картузом... плывет—и посередь самой Волги схватила Ваську судорога, и Васька тонет: показалось ему, что потерял документы. А правый боковой карман вспух и насмешливо топырился.

И тут—ясно так заметил Васька, как много вокруг него камня! Сплошной и сквозной камень. Камень давит на плечи, камень тычет в бока, камень колет и застит и садится на глаза, как мутное шершавое бельмо. Откуда накопал столько? Кто копал?

Глаза косые, лошадиные моргают быстро, но не проглянуть им сквозь камень—и от этого бухнут, круглятся и катятся слезы.

Медленно, нехотя, трудно барахтаясь в перевязях веревок, Васька раскинул руки распятием: передевал котомку поплотнее. Будто хомут надевал, будто поднимал тяжелый крест—за всю приходящую в город молодую деревню; приходящую за знанием, за лаской и не получающую их. Хотелось без конца прилаживать котомку и морщиться обиженно: чтобы увидели это, почувствовали это все каменные люди, это вот ему—Василию Ивановичу Большакову, отсеку деревенской ячейки, бойцу с гидрой в лице банды Попова, банды Сапожкова—ему приходится, не солоно хлебавши, уходить от ворот того самого вуза, в который рвался столько лет, куда с таким трудом получил командировку от самого губкома. Его переночевать даже не пустил товарищ комендант... Пусть бы узнали об этом все каменные люди и помучались совестью.

Но пусто было во дворе институтском, а редкие прохожие спешили, не глядя,—одни безучастно, другие сердито обходили широкого парня, как посторонний и мешающий предмет. Им дела никакого нет до Васьки. И никому-то нет.

Еще раз подеревенски, медленно поворачивая шею, осмотрелся.

Камень. Дома высокие. Застыли—стоят, как по команде «смирно». На улице ни травинки. Московские сухие сумерки окутывают улицу, да поодаль с угла смотрит на него бродячая собака, меланхолически опустив хвост.

— Совесть... Дурак... В городе давно ее волк съел. Им только неп подавай...

Стыдно вдруг стало стоять у ворот, как нищему,— даже покраснел Васька. Схватил с тротуара одежный узел, в котором у него были большие валенки-смушки, старый пахучий полушубок домашней дубки, побывавший под дождями и буранами, и стеганое одеяло из разноцветных лоскутков, и быстро перешел на противоположную сторону улицы. Хотел опять остановиться, но было стыдно—и собака эта и дома все знают, что его не пустил в общежитие товарищ комендант. Медленно заплетаясь ногами, делая вид, что он идет мимо, как всякий прохожий, Васька начал осматривать институт. Теперь издали, за толстой старинной стеной, институт показался ему неприступным. И чувствует Васька, как вместе с чужими сумерками, захлестывает горло и накрывает голову темным пологом прежняя детская робость. И злится на себя за эту рабскую робость Васька. Но от злобы робость все больше растет.

Правда, кто он, чтобы нянчиться с ним? Кому нужна? Кому охота в этой Москве, набитой разными учеными людьми? А он неуч из Большой Каменки, про которую тут и не слыхали-то совсем. Нужны им такие сиволапы!

— И наряжены все погосподски,—думал Васька, смотря на прохожих.

И институт—это барский дом в имении Медвежатное. Ведь похоже так: такой же приземистый, круглый и просторный. Только больше и каменный весь, но от этого еще страшнее.

И сам Васька—подпасок барской скотины, босой с кнутом конопляным, надвитым мочалой. Как он боялся в детстве и сторонкой обходил барский дом! Как хотелось тогда побывать в том доме! Но там тоже была высокая ограда.

Изогнувшись полукругом во дворе, институт вышел окнами на улицу.

— Это, должно быть, и есть общежитие,—подумал Васька, заглядывая в пустынные окна.

Вдруг оттуда сверху грянула музыка...

— Примут ли?!—одновременно грянула мысль в Васькиной голове. Он даже остановился, посмотревши на небо. Ни облаков, ни туч, ни солнца—да и неба нет, а так—какая-то между домами белая бельmistая замазанная дыра...

— Неоткуда дождю быть,—облегченно вздохнул Васька...

А музыка пугала, грозила бедой.

Такую музыку часто слышал Васька в детстве—и недоумевал, откуда она... И всегда, когда он слышал, казалось ему—сейчас ударит гром и пойдет дождик. В парке за барским домом шевелились старинные липы и звенел смех господских детей...

Васька снова остолбенел:

— Не примут. Ведь у меня на письме нет грамматики... Знаю.

Музыка падала сверху, обливая его холодными волнами, а Васька, прислонившись к стене, думал, что он будет делать, если не примут: итти к Михал Ивановичу Калинин? или... к кому? или—в Каменку?..

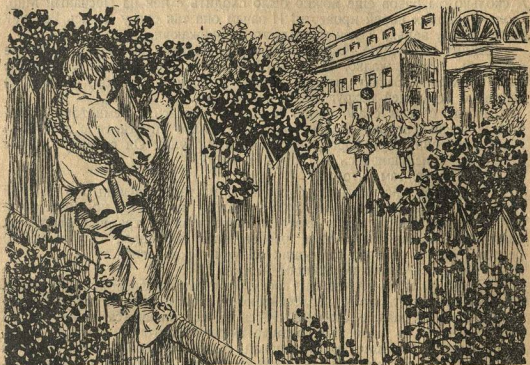
— Ни за что!—закричал Васька на себя, взвизывая взметнувшееся желание вернуться обратно домой. Лес и поле, Комсомол и Кланы, последняя драка с отцом—все перемешалось, зашпорило-зашпорило в груди, и Васька, будто убегая от них, заспешил.

За институтом большой пустынный парк.

— Чудно!—вслух удивился Васька, но при виде деревьев ему сразу легче стало дышать...

Деревьев мало, но в наступающих сумерках они кажутся густыми, они стоят сплошной кольцевой цепью. А в середине—большое поле, изрезанное песчаными дорожками. В дальнем конце тускло поблескивает искусственное озеро. Вокруг озера в мерном физкультурном беге мелькает женская фигурка, в черных трусиках и голубой майке. На поле несколько парней играют в городки. Смачный стук битков о рюхи привычной радостью отдается в Васькином сердце—он ярый городошник, он еще не встречал игрока, который обыграл бы его. Но не на городки смотрит Васька.

— Из института, видать, студентка...—Когда фигурка приблизилась по кругу, Васька видел оголенное тело; оно матово светилось в сумерках и обжигало Васькины глаза...

Перед глазами снова поплыли каменные камышевые озера, поля, и Кланы—и памятный Песчаный Мар.

Было боязно подглядывать, но Васька положил узел у забора, подтянулся на руках и свесился через забор. Вот также в детстве украдкой он засматривал в медвежатинский парк, где бегали, играли господские дети в нарядных платьицах. И этот институтский стадион, и бегающая вокруг озера студентка (наверно, красивая какая!), и городошники, играющие в покупные полированные городки,—все это показало Ваське таким барским, таким недоступным ему.

— Не примут.

И снова зависть, обида, злоба—клубок.

К Москве подъезжал—места не находил от радости: все боялся, как бы мимо не проехать. Смеялись над Васькой в вагоне.

— Эй деревенский... К родне, что ли? Не спеши, Москва-мачеха подождет.

— Зачем только торопился, дурак. Притопал! Еще не так надо смеяться над тобою. Сколько делов бросил недоделанных!

Вспомнил Комсомол:

— Даже собрания не провел перевыборного, как следовало бы, ссунул дела первому подвернувшемуся под руку члену бюро—Гриньке Пальдяеву. А ведь он, Гринька, слаб. Разве он может быть отсеком? А кого же? Все равно больше некого. Гринька хоть батрак. Вот зря только не наинструктировал его в спешке-то. Да ничего, попривыкнет, наблещится, чай. Можно отсюда письмами регулировать...

Вспомнил Кланю:

— Не приласкал как следует, не поцеловал даже на прощание. А сколько бы разов еще можно было сходить с ней на Песчаный Мар, сколько жарких ночей провести! И зачем она так сразу далась Ваське? И не думал, ведь... А как плакала-то, провожаючи...

Видит плачущую Кланю на выгоне, повисла на шее у него—не оторвешь. Стало жалко. И от этой жалости такое жаркое желание ласки охватило Ваську, что он больно прильнул к забору и глаз не сводил с бегающей вокруг озера студентки...

Когда совсем стало темно и совсем слилась с темнотою бегающая женская фигурка—Васька очнулся, лениво спустился с забора, и густой вечерний шум города ворвался в его уши. Он стоял у ограды стадиона, прислушиваясь и смотря в небо.

— Пожар там, что ли?

И быстро инстинктивно сорвался с места—заспешил. По детской привычке прислушивался на ходу: сполуху не было, но тревожный гул несся от центра, где в лязге, и звоне, и шуме трамваи, автобусы, извозчики, мотоциклы водили разногудные хороводы, где полыхало белесое зарево от ярко цветущих электрических огней.

Льются люди по улицам Москвы...

Будто улицы—это горные реки, быстрые, мелководные, мутные. Людские волны льются, всплескиваются, подпрыгивают на камнях—растекаются в разные стороны. И снова сгуживаются перед запрудой магазинов и кино. Ощеренные пороги мостовой, рельсы, дома, сумасшедшие бегущие люди мешали Ваське спокойно итти степной развалистой походкой, мешали Ваське думать о том, что тепло пригрелось на привычном месте. Москва всей разноголосой громадой наплывала на притихшую, на спрятавшуюся в Васькиной груди Каменку, улица давила и застлала камнем Песчаный Мар, трамваи звонили—с дороги!—мотоциклетка с треском стреляла в ухо и в спину—берегись!—автомобиль пугал—задавлю!—люди просто ругались, а фабричный гудок с Замоскворечья протяжно пророчил беду-у-у-у. Город—тесное место. Москва—сумасшедший город. Васька сердито расталкивал людей жесткою своей котомкой, смаху пробивал попадавшиеся на пути переулки и с трудом, поминутно останавливаясь, шел по улицам сквозь каменную Москву.

Так на сенокосе перестоявшая и затвердевшая степь не дает ходу косе, травы—как железо, и то и дело приходится останавливаться, берясь за брусок и смолянку.

А когда Васька пробился на Мясницкую,—вокзальная улица затолкала, ослепила, навалилась на него—оглушила.

— Смерти или живота!—медведем взревела над ним Мясницкая.

И Васька сдался. Все думы вышиблись из Васькиной закруженной головы, и он растерянный стоял, озираясь, с одной только мыслью, как бы не попасть под трамвай, под авто, под извозчика, как бы не

свалилась на него любая громадина дома. Движение взад-назад, как на качелях, движение круговой воронкой, как карусель, летящие стаи вывесок, страшные по величине окна магазинов, накатанные горы продуктов, лощеные лошади извозчиков, свет! Так страшно много свету, растраченного зря!

— Ярманка,—мелькнуло в ошалелой голове.

Мысль напрягалась, сгустившись, и Васька выругался вслух:

— Вот она... Ярманка нэпа...

В деревне не такой был нэп! И городской оттуда казался не таким...

А тут!

Вот он какой московский нэп! Снова полемем занялось в Васькиной груди.

Васька не сразу помирился в позапрошлом году. Нутро бунтовало и выло, но он пропьянствовал осень, заливая злобу самогоном, вспоминая банды Попова, банды Сапожкова, и как отсек—рассудком— даже доклады делал о необходимости нэпа.

— Если бы знать, что в Москве до такой ярманки допустят. В жись бы! У-у, нэпманы!

Васька злобно шагал по улице, стараясь не глядеть по сторонам. Толкались сильнее, но Васька уже устал. И в толкучке двинули Ваську под бок, лопнула обора, которой был перевязан одежный узел. Полушубок с шумом свалился на тротуар, вставши на попа. Он просительно стоял на коленях живой, засаленный, раздувшись колоколом, упираясь жесткими рукавами в асфальт, прислонившись к фонарю. Васька бросился было к полушубку, но кто-то закричал ему:

— Одеяло-то!

Лоскутковое цветное одеяло, как большая шахматная доска, растелилось на мостовой, и по нему, как нарочно, одна за другой прокатывались пролетки, оставляя грязные полосы от колес. Смушковые валенки разлетелись в разные стороны. Прохожие, спеша, смеялись:

— Не по сезону амуниция...

— Запасливый парняга.

— Лови, а то улетят.

И шли мимо, обходя дубленый полушубок. А он стоял, безголовый проситель, на тротуаре.

Слезы обиды и досады на свою неуклюжесть брызнули из Васькиных глаз, он, подобрав одежду, свернул на бульвар и дрепнулся на скамейку.

Беспечно сидели по лавочкам, шли по бульвару люди, погосподски одетые. Ворочая белками лошадиных глаз, крепко сжимая скулы, сотрясаясь весь от злобы, Васька туго взнуздывал себя. А самому хотелось вскочить, заорать на всю Москву своим рвущимся басом, вдушивать в нэп нэп-перенэп, требуху разнести этот каменный, буржуйский чортов нэп паршивый.

— Нэпманы, послать бы вас в деревню, узнали бы... А самого опять так потянуло вдруг домой—в Большую Каменку. Прямо нутро переворачивалось...

И злоба схлынула: люди показались нежными, как на картинках. По бульвару гулял ветер.

Ветер трепал лысые головы бульварных дерев, и на Васькин картуз падали первые желтые листья. А люди на бульваре были веселые, сидели парочками и парами проходили под ручку.

— Склещились, сволочи,—беззлобно подумал Васька.

И стало грустно Ваське, и снова охватило его жаркое желание ласки. От этого ли или от жадной затыжки махры-самосадки разлилась по телу сладкая истома, усталые ноги гудели и хотелось Ваське спать.

— Свольчь, товарищ комендант, выгнал на ночь глядя,—также беззлобно подумал.

И встал Васька и лениво плелся обратно на вокзал. По дороге опять толкались и злили Ваську прохожие.

На вокзале нарочно зашел в первый класс, развалился на лавке. Безбоязненно. Заглядывая прямо в глаза пассажирам, озабоченно сидящим на своих кожаных чемоданах, на круглых лаковых коробках, думал:

— Расселись нэпманы.

Смотрел прямо в глаза снующим официантам и носильщикам, думал:

— Только троньте, я вам покажу—свольчи. Теперь не старый режим.

Васька нарочно дымил махрой, разбирая его злобный задор сцепиться с кем-нибудь до кулачек.

Но никто не обращал внимания на Ваську: пассажиры молча, опасно отодвигались и глубже вставляли в свои чемоданы, а носильщики и не думали выгонять его. Ваське стало скучно. Он встал, медленно, презрительно обвел своими лошадиными глазами всю первоклассную публику и перешел в третий класс.

Там стало ему сразу тепло и просторно, как на сходке. Толкался по залу, заговаривал с мужиками, выбирая помоложе: чей? откольный? куда едешь? Купил в буфете папирос, курил одну за другой, не накуривался после махры, щедро угощал папиросами словоохотливых собеседников, сам охотно рассказывал, что приехал с Волги, из Большой Каменки в вуз учиться как красный студент. А раньше боролся с гидрой в лице банды Попова, банды Сапожкова, а в Москве народ—все нэпманы и свольчи. То есть ничего-то здесь нет хорошего...

А когда рупора хрипели со стен об отходе поездов, когда Васькины собеседники на полуслове срывались с мест и весь третий класс закипал в суете, как ткнутая сапогом муравьиная куча,—Ваську киятком обдавало неумное желание уехать.

Не снимая котомки, подложив под голову одежный узел, вытянулся на лавке, закрывая усталые глаза,—столько-столько насмотревшиеся за день!—и уже видел себя возвращающимся домой. От частого куренья, от того, что забыл сегодня поесть, к горлу подступала слабая тошнота, голова кружилась...

Мягко покачивался вагон и бежали навстречу туманные, зовущие степи... Волга широкая... Сызранский мост... телега... иноходец Игренька... немазанный тележный скрип по шоссе... обок—прихотливый проселок, заросший травой-подорожником... и зубчатые темнеющие в небе Жигули... и в розовом солнышке, золотая от соломы—в голубом тумане к вечеру—Большая Каменка... Что это? Дым от пожара? Нет—это пыль столбом несусветная—это стадо вышло на дорогу... А кто теперь в подпасах?.. Сквозь стадо мелким шагом пляшет Игренька... Кашляют коровы, как люди... Парным духом—потом, молоком, польню, пылью и навозом—знакомым памятным духом раздуваются Васькины ноздри... Ржет Игренька: Эй, хозяин,—приехали...

Васька открыл глаза и съежился на лавке.

— Дурашлеп, соломенная твоя душа! Прежде всего: курам на-

смех! Все ребята вылупят глаза. А насмешничать будут! Эх, дурашлеп! Потянуло тебя на мякину.

Васька с приятной надсадкой ругал себя, но помимо воли продолжал видеть себя возвращающимся в Каменку...

...Итти ли к Клане первому?.. Небось, сама прибежит... Повиснет на шее со слезами... И что у ней за привычка—плакать? Вот еще!.. А ведь жениться придется?!

Васька быстро сел на лавке.

— А учоба?—испуганно схватился он за распухший карман, где командировка от губкома и ворох других разных бумаг...

— Ох, дурашлеп!

А из переднего угла, будто с самой божницы, злыми и злорадными сверлами впился в Ваську отец:

— Понюхал, чем пахнет в Москве-то?.. Что так скоро, аль нескусно покормили? На отцовский вольный хлебушко, арестант!

Васька вскочил с лавки, будто обороняясь от удара.

...Отец охобачил Ваську прямо по лицу мокрой лычной связкой заплетенного лаптя. Не больно, но шлеп такой звучный, что под сараем, с кокотом раскрылившись, с навозной кучи слетел петух,—и обида бешеная. Сгреб—выдернул Ваську сердешник из передков и страшный, с покрасневшими вывернутыми белками, попер на отца. Лицо у отца покоробилось, как короста на огне... Мать с погребницы выбежала с горшком, заслонила оробевшего мужика, а Васька, в мягкую дряблую грудь кулаком с левши отсунул ее, изо всей мочи грохнул сердешником о приступку крыльца. Гнилая она—надломилась, и сердешник впился в нее гвоздем.

Поплыли почернели вснушки при воспоминании об этом «прощании» под сараем: загорается Васька стыдом перед матерью и злобой на отца не только сам, но будто даже рука левая горит стыдом и на ней плотно приросло и, как цыпки, зудит ощущение, как Васькин кулак входит в мягкую и дряблую материну грудь и мать волчком отлетает в сторону, и запон ее весь в белом, облитый густым устоявшимся утрешником...

— Нет! Ни за какие!..—вслух закричал на себя Васька.

Потом решительно снял котомку, подложил ее под голову, развязал одежный узел и долго прилаживался на вокзальной лавке третьего класса...

Молодой сон быстро зашил глаза, но не успела еще как следует Москва перепутаться с Каменкой, как Ваську властно разбудили и велели очистить вокзал...

Сонный, споткнувшись о мокрую половую тряпку уборщицы и разлив у ней ведро с водой, отчего паркетный пол зацвел в глазах яркими краснобелыми шашками,—Васька вышел на мостовую...

С чего такой холод вдруг пронял!

Ходил по улицам, площадям, бульварам. Смотрел на высокие на каменные дома, расцветенные разноцветными огнями. Белые, красные, голубые лампочки горели—их свет, смягченный абажурами, мягко окутывал комнату, и сквозь освещенные окна тек теплый домашний уют. На многих окнах кружевные занавеси.

— За занавесками спрятались нэпманы,—сплюнул Васька, докуривая последнюю папироску и располагаясь вздремнуть на бульварной лавочке. Рывкали над ухом автомобили, тяжелыми шинами грузно мяли неподатливый камень запоздавшие автобусы, и последние трамваи по обеим сторонам бульвара мчались, как чудовищные мызгалки, нетер-

пеливым звоном и железным лязгом сотрясая землю... Васька часто вскакивал, не успевши заснуть.

И захлестнутому ночной столичной жизнью—громыхающей и грозящей—все труднее было разобраться спросонья, во сне он или наяву? И повисшие в воздухе цепочкой фонари, и мелькающие люди в белесом рассеянном свете, и лысые деревья, вросшие прямо в камень, и круто и страшно нависшие над бульварами с обеих сторон дома, поднявшиеся зачем-то на цыпочки, то высокие, строгие, с вытарашенными глазами освещенных окон, то с запавшими черными черепными глазами—все это пугало Ваську, налезало на Ваську, как страшные живые полчища каменных уродов. И Васька, закрывая лицо картузом, старался заснуть, чтобы во сне уйти в свою настоящую, действительную—полевую—жизнь.

А когда затихли трамваи, поредели люди, потемнели улицы,—беспрекословный сторож согнал Ваську с бульвара.

И снова ходил Васька по улицам, бегал от проституток, смотрел по окнам и, заметив в окне какого-нибудь горожанина, истошно думал:

— Поди, три комнаты занимает, а тут приткнуться негде.

И говорил сам себе вслух, успокаивая:

— Какая здесь дурацкая жизнь...

Ночь эта была длинная, как последний прокос на сенокосе.

На утро Васька снова вошел в институт. На дворе не было никого. Здание хмуро молчало. Васька недоуменно остановился на вчерашнем месте и хотел и боялся снова встретить товарища коменданта.

Вдруг через внутреннюю калитку выскочила прямо на Ваську девушка. Она была в черных трусиках и голубой майке...

— Вчерашняя, видать...

Ваську ожгли голые икры и руки.

— Вам кого?—прерывисто дыша, спросила она. Рот красный, тонкий раскрылся, и оттуда выпали задорные снежинки зубов. Грудь ее вздувалась и опадала, как тугой парус при неровном ветре.

Красный, как пунец, стоял Васька, и опять веснушки поплыли по лицу.

— Лицо-то белое...—мелькнуло у Васьки, и от этой догадки еще больше застыдилась, покраснел конопатый Васька...

И еще одна приметка бросилась Ваське в глаза:

— Глаза и рот говорят поразному... Рот задорный, а глаза...

Девушка, прищурившись, посмотрела на него, как смотрят на детей, и захохотала:

— Никогда не видели такого костюма? Жуть...

Ваську обидела эта прищурка, и не понравился ему девушкам смех:

— Я-то?.. Скоко разов! Да я и сам...

— В институт приехали? Первокурсник?—перебила девушка.

Васька горестно вздохнул:

— Приткнуться негде, товарищ.

А в голове мысль:

— Какая аккуратная, как лампа.

Девушка приветливо улыбулась и протянула руку.

Узнав, в чем дело, наругивая коменданта, тянула она Ваську за рукав, выхватила у него узел, чтобы помочь нести, но, перейдя двор, перед самой дверью общежития резко повернула назад:

— А ну его к чорту! «Классовая борьба». Начнет бузить. Идемте, лучше я вас сведу к знакомым ребятам в «зверинец». Это далеко, но ничего. Подождите меня—оденусь...

Не успел Васька опомниться, разглядить рукав, за который она его тащила, и рассмотреть пристально этот рукав, будто раньше его не видал, как она уже сбежала сверху переодетая и, снова вырвав узел, взяла под руку...

— Двигаем...

Дорогой она болтала, хохотала, ругала коменданта дураком и «классовой борьбой», а у Васьки кружилась голова от ее близости, — и улицы, переулки, площади, по которым они шли, разворачивались и путались в клубок. Васька с каждым шагом все больше краснел, сердился на себя. Надо говорить с ней, а о чем и как говорить...

— А ячейка Комсомола у вас есть? — как-то особенно не попадал спросил он.

Девушка захохотала:

— Жуть...

— А вы не комсомолка рази...

— Что такое?

— А зачем не вступаете в Комсомол? — задал Васька отработывающий вопрос.

И сам ответил решительно:

— Вступайте.

Девушка не засмеялась, стала сразу серьезной и ответила...

Ответ был такой неожиданный для Васьки, что он приостановился, даже разинул рот и произнес, чего и не хотел:

— Эка! А я сам это делал на бандах...

Тут уже девушка остановилась и брезгливо выдернула свою руку... И чтобы загладить презрительный испуг, она спросила, перебивши:

— А вы откуда?

— Из Большой Каменки я...

Тут девушка остановилась и даже рукой схватилась за лоб...

— Самарский? Значит земляки?

Потом подумала и спросила опасно:

— Вы меня не помните?

— А де же мне помнить, коли первый раз свиделись...

Она жадно стала расспрашивать Ваську, а Васька, насторожившись, туго и хмуро отвечал...

Они подошли к большому дому, грязному и облезлому...

— Сюда, сюда. В подвал...

Девушка постучала в низкую дверь... Вышел заспанный парень и спросил:

— Шшо?

Руки в карман, ноги—цыркулем. Потом расплылся и облапал девушку.

— Галина? Смерть моя...

Васька удивился этой обнимке: разве можно в Москве—ровно в Каменке, ровно с девкой на бревнах. Девушка ловко вывернулась и сказала:

— Парня привела... Устрой, Святогор,—беспризорный земляк мой.

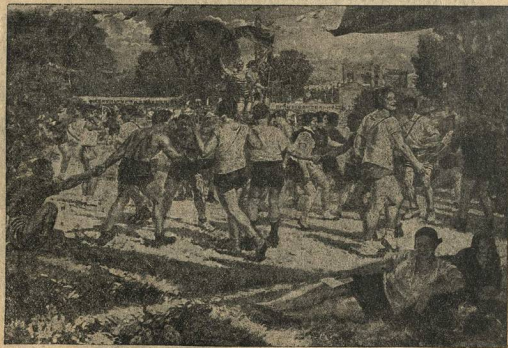
— Шшо?..

Руки в карман, ноги цыркулем, заслоняя дверь. Долго и молча смотрел на Ваську. Потом взял под руку, отвел в сторону, проэкзаменовал шопотом и, подведя к двери, объявил:

— Вот видишь—это святое святых. Шшо? Чувствуй—и вообще...

Он дружески толкнул Ваську еще ниже по ступенькам.

PS. «Васька в Москве»—первая глава из романа «Молодежь». В № 8 «Красного студенчества» были напечатаны две другие главы из этого же романа: «Лед идет» и «В сумерках».

„Праздник физкультуры“ с карт. худ. С. Луппова.

Базар был в самом развале. Я еще только подходил к площади, когда навстречу мне промчались обратные розвальни. Пьяный парень в распахнутом тулупе с воротом, вздыбленным выше головы, стоял в них, расставив ноги. Шатаясь, он во всю мочь зверски нахлестывал лошадь длинной и толстой палкой. Хриплая, заливиная матерщина беспрерывно вылетала у него изо рта. Двое мальчиков, возвращавшихся из школы, в шапках, надвинутых на глаза, и со связками книжек остановились и, задрав носы, крикнули ему вслед с какой-то обидой в голосе:

— Дяденька, зачем лошадь бьешь!

Но розвальни уже скрылись за углом, широко раскатившись на повороте.

Желтое, латунное солнце медленно шло за облаком, неяркое, как луна. Воздух был морозный, но безветренный, сонный. Пробышевавшие над городом святочные метели навалили сугробы снегу. По сторонам дороги он лежал гладкой, непорочной, слабо светящейся пеленой, и только кое-где пелена была разорвана глубокими синеющими тропинками, протоптанными к воротам и крыльцам. Но здесь, на дороге, снег был разворочен и перепахан полозьями, перемешан с пометом и клоками сена. Я засмотрелся на этот снег, скользкий в колеях и желтоватый, зернистый, все еще пышный в отвалах.

Где я видел его—такой вот крупитчатый снег наезженной улицы? О чем-то говорил он мне—о старо-московском, масленичном, ярыжном. Пузатые возки, запряженные цугом, слепые черные бревенчатые стены по сторонам, приземистые церковушки с витыми, размалеванными маковками... Нет, все не то, не главное... Где же я видел такой снег?..

Базарная площадь встретила меня переливающимися толпами морковно-ярких овчин, шеренгами понурых, вздрагивающих под рожками, обындевевших лошадеенок возле чайных и лобазов его, длинным, извивающимся хвостом молитвенно-тихих мужиков и баб перед магазином Центроспирта и бесконечными рядами новых саней, лопат, плетеных детских кроваток, кадок и ушатов,—все это, блистающее свежей древесной белизной, щедро выставил на первый послепраздничный базар наш лесной, молчаливый уезд.

Я быстро прошел, пронырнул сквозь это плещущее, гомонящее море базарных страстей, и ядовито ухмыльнулись мне вслед невероятно розовые пряники из крайней кондитерской палатки.

В улке партии, куда я торопился, мне нужно было непременно застать секретаря. Он был страшный непоседа,—вместо того, чтобы грузно и ответственно восседать в кабинете, как подобает руководителю уезда,—вечно рыскал по волостям или пропадал на картонной

фабрике—единственной нашей пролетарской базе. Но по телефону мне только что ответили, что Калабушкин у себя.

Взбежав по крутой лестнице, я сразу устремился к его кабинету. Но тут меня и поймала за рукав Егорова, высокая, плавная бумажница, с волосами, серыми от ранней седины, с незапамятных времен заправлявшая у нас женотделом.

— Стой, стой, стой!—закричала она торжествуя своим самоуверенным баском.—Попался паренек! А я к тебе и звоню сегодня цельный день и только что Граню посылала,—пропал человек. Ну, выкладывай тезисы.

Тезисы для докладов на делегатских собраниях были у меня приготовлены, но еще не обработаны. Я пообещался их занести,—только вот на пять минут зайду к Калабушкину.

— Нету Калабушкина, уехал,—ответила Егорова привычной фразой.

— Не может быть! Мне только сейчас сказали, что был.

— Был, да весь вышел. Уехал с Мызгановым в Семенцово. Вот только что сели и поехали. Идем, идем, а то опять исчезнешь!—и она потащила меня за собой. Обескураженный, проклиная и неуловимого секретаря и свою медлительность, я последовал за ней в комнатушку женотдела.

А здесь-то я и увидел их, всех трех сразу; так больше всего и запомнились они мне—рядышком, неотделимые, нерасстанные, одинаковые и различные—все вместе. Они сидели у стены, на скамейке, под портретом черноглазой и печальной Розы Люксембург, сидели неподвижно, вытянувшись, высоко держа головы, выставив вперед огромные, неуклюжие, как колоды, валенки на толстых кожаных подошвах. Все три были в светлых, лимонного цвета, овчинных полушубках, разуроненных на груди красной ниткой, в платках, которые они распустили по плечам, но не сняли, хотя в комнате было очень жарко, все три—кирпично-румяные с мороза, пышущие здоровьем и крепким, солодовым теплом.

Когда я вошел, они, как по команде, повели на меня глазами, гордо, не поворачивая головы, и остались сидеть попрежнему, красными пальцами сжимая на коленях свои варежки. Просматривая и исправляя тезисы, я время от времени поглядывал на эту занятную троицу,—старался определить, кто такие и зачем сюда попали. Делегатки? Но в делегатках обычно ходят старухи или замуженные крестьянки, одним словом, бабы. А это—девушки, лет по восемнадцать, по девятнадцать. Обыкновенные комсомолки? Но зачем же они сидят тут, в улке партии, выжидают чего-то?.. Нет, в их важном восседании, в осанке чувствуется что-то особенное,—миссия какая-то, чорт возьми! И как они похожи друг на друга! Сестры, что ли? Одинаковые легонько вздернутые носы, колечки светлорусых волос выбиваются из-под платков, карие, слегка выпуклые глаза смотрят задумчиво, чуть-чуть испуганно...

— Кончил?—спросила Егорова, когда я отложил карандаш.—Вот спасибо. Мне бы над ними три дня и три ночи мучиться,—знаешь ведь, какие мы тут все писаки. Теперь размножим, и кончен бал.

Можно было и уходить, но уж очень хотелось узнать, что это за девицы такие, а спросить почему-то было неловко. Я помедлил и все-таки спросил у Егоровой,—этаким нарочито веселым тоном:

— А это что же у тебя за гости сидят?

Девушки пошевелились и робко улыбнулись, Егорова же взгля-

нула на них тоже с улыбкой и как-то поматерински, с большой гордостью.

— А это, брат ты мой, гости самые интересные,—сказала она торжественно и хитро.—Можешь познакомиться. Первые наши деревенские курсантки: с нынешней осени в губсовпартшколе обучаются. Ты не гледи, что они такие скромницы,—я уж не знаю, чего это они примолкли. Они, брат, у нас самые боевые.

Я подошел к девушкам, пожал их жесткие, горячие пальцы и задал им два-три вопроса. За всех отвечала одна, сидевшая посредине, у которой волосы начинались на выпуклом лбу острым мысочком и уходили под платок, помужски открывая ясные, широкие виски; отве-

чала смело, но с некоторой напряженной серьезностью, точно экзаменатор, хотя вопросы были самые обыденные.

Они из Бережков Черноярской волости. В комсомоле три года. Нет, не сестры, а только подруги давнишние. Да, на праздниках гостили дома, а теперь возвращаются в губсовпартшколу.

Егорова поддержала разговор с явной целью—расшевелить своих питомиц,—они из-под ее руки вышли,—и показать мне их сознательность; но потом сама увлеклась, разволновалась даже, принявшись рассказывать всю их историю. Однако вскоре спохватилась:

— Батюшки, что же это я разболталась! Мне ведь в уик надо, на собрание женактива... И вот какая у меня забота,—как бы это вас, девочки, обедом накормить? Не годится, чтобы вы из родимого укома голодными уехали... Разве вот что...—она взглянула на меня,—если у тебя полчаса времени есть, своди их, милый друг, в епо, в столовку,—они здешних порядков не знают. Зато все ихние приключения выспро-

сишь, если интересуешься. А я сама никак не успею,—им к пяти часам на станцию надо.

Я с радостью согласился, сказал, что это мы устроим в лучшем виде. Девушки сначала отказывались, уверяли, что есть им не хочется, но потом сдались на наши уговоры и встали, чтобы идти. Егорова расцеловала их на прощанье, они наперебой обещали ей писать, отчет давать о всякой малости и затем гуськом пошли за мной, улыбающиеся, оживившиеся и уже чувствующие ко мне полное доверие.

В столовке была полутьма от густо замерзших стекол, страшная давка, стоял немолчный гул голосов, звон посуды, и поминутно визжала, открываясь перед новыми посетителями, дверь, в которую вырвались сизые клубы пара, далеко на улицу вынося сытный запах борща. Спутницы мои вызвали всеобщее внимание. Отовсюду мне подмигивали несчетные уездные приятели, окликали, ввертывая насмешливые замечания, я отшучивался. Мы уселись за столик, покрытый зеленой клеенкой, мокрый от пролитых жидкостей; в полоскательнице плавали окурки и корки черного хлеба. Девушки сначала молча и тревожно озирались, разглядывая лица, смутные в туманах табачного дыма, пара и кухонного чада. Но постепенно они опять осмелели и на мои распросы стали отвечать веселей и свободней.

Мне хорошо было смотреть, как осторожно подносят они ко рту полные ложки, стараясь не хлопать губами, как бережно ломают хлеб, не роняя ни крошки, как, косясь друг на друга, аккуратно, на маленькие кусочки режут мясо. Нет, они вовсе не были одинаковы, какими показались на первый взгляд. В каждой было свое, единственное, то, что образует человека и определяется больше всего не чертами его облика, а движением этих черт. Вот та, что с широким, светлым лбом,—была всех повыше, прямее, рот у нее был тоньше, тверже; она верховодила,—это было ясно; и теперь она говорила больше всех, по временам забывая о еде и пристально глядя на меня расширенными от сосредоточенности глазами. Другая была круглее лицом, милевидней, женственней, полушубок у нее выше, чем у подруг, был приподнят грудью, верхняя налитая, задорно вздернутая губка вздрагивала при улыбке. Эта была смешливей и сама иногда вставляла веселое словечко, низко нагибаясь к тарелке от разбиравшего ее смеха и оттуда плутовато выглядывая на меня из-под ресниц. Третья была, верно, всех моложе, чувствовалось в ней что-то девчоночье, пугливое—береженная дочка, которой ласковая, родная рука еще вплетает голубую ленту в косичку; оттого, видно, и была она всех грустней и тише—словно тени домашних укромных закоулков еще скользили по ее лицу; только к концу обеда, когда речь зашла о том, что ждет их по окончании школы, встрепенулась и она, горячо заговорила о том, какой непочтатый край работы в ихней волости, особенно в женском направлении, а напоследок сказала, что поработает в Бережках, но хочет потом дальше учиться, на доктора.

История чернореченских курсанток коротка, очень несложна и совсем обыкновенна, так обыкновенна, что, заинтересовав, вовсе она меня не поразила сначала: что ж тут такого, невиданного,—ну, жили-были деревенские девушки, ну, попали в город, в школу, переродятся, другими людьми станут—мало ли теперь таких? И уж потом понял я, что обыкновенность-то их судьбы, пожалуй, всего дороже. Это не случай из жизни, это три новых жизни целиком, и вот как увидел я их после того, что рассказала мне Егорова и сами девушки.

В губернский город, в совпартшколу чернореченские приехали

вчетвером, поздним вечером, притихшие, страшась того неведомого, о чем так долго раздумывали они, стараясь его себе представить, и что вот сейчас, сию минуту должно, наконец, обрушиться на них всей своей ослепительной новизной. Торопливо и конфузливо распутывали свои платки, вылезали из шубеек, еще пахнувших домашним—печным теплом, березовым венником.

А уже окружила и закружила и потащила куда-то орущая, дурашливая и хохочущая совпартшкола. На что-то усаживали, о чем-то расспрашивали, над чем-то (не над ними ли, нескладными?) смеялись. Оторопелые, затурканные, они смотрели на эти прыгающие в непривычно ярком и затуманенном электрическом сиянии лица,—на это скучающее, с еле пробивающимися усами, с поблескивающими глазами лицо совпартшколы. Едва успевали кидать свои поспешные да и нет.

Вмешалась сухопарая и сердитая комсомолка (ну, слава богу,—хоть девчата тут есть!):

— Бросьте, ребята,—совсем задергали девчонок. Им спать надо. Небось, намаялись за дорогу.

Все подходили, пожимали руки, тонули в слитном говоре и смехе. Ушли.

Они улеглись на скудных и жестких совпартшкольских койках, рядами расставленных среди отчужденно-белых, безжизненных стен. Укрылись от страха с головой казенными колючими одеялами и проспали эту ночь—первую городскую ночь—без уютного потрескивания сверчков, без глухих коровьих вздохов за стенкой, без утреннего петушиного приветствия.

А утром... Утром началась та быстрая, шумная и напряженная жизнь—с лекциями, с Дальтон-планом, собраниями, осторожными угорами и уверенными приставами парней, с комсомольскими беспардонными песнями и кружками, кружками, кружками,—та неутомная жизнь, с которой они с трудом свыклись, а вот теперь даже слюбились все трое.

Трое...

— А четвертая?

Переглянулись, вздохнули.

— Четвертая Таня Черенкова была...

— Была?

— Померла наша Черенкова. Не выдержала. Скрутилась на учебе. Сначала помешалась, в больницу отвезли. Полтора месяца в больнице пролежала, да там и померла...

— Уж очень она жадная до книжек была. Утром, бывало, проснешься рано, а она уж давно встала, сидит, в книгу уткнувшись. Почти что не спала совсем, не гуляла...

— Она и в деревне-то была самая горячая к работе, нетерпеливая. Не из Бережков она была, из другой деревни, верст за двенадцать. Так что ж вы думаете, чуть не каждый вечер к нам в ячейку бегала, тайком от матери!.. Ну, а тут не рассчитала себя, перегнулась... И померла... А какая девушка-то была!..

— Это верно, от ей такого конца можно было ждать... Умная девчонка, но уж такая нервная была, сурьезная. Помешает ей кто,—глаза от книжки оторвет, да как сверкнет,—ух, ты! Черные такие глаза, прожигательные...

Ну, а эти трое не сломились, выдержали. И вот опять исчезает для меня различие их и проступает сходное,—та перемена, которая сквозит то в слове, не подеревенски растяжно, а смело и четко бро-

шенном, то во взгляде, когда посмотрят они в глаза мне прямо и просто. Подеревенски круглы и темнорумяны щеки, а вот и промелькнула будущая напористая партийка, лихая женотделка, настоящая женщина большой работы...

Съездили они на праздники в отпуск, в тихие свои Бережки. Нахмуренно и подозрительно глянула на них деревня, семья, улица.

— Девчата, прежние подружки, от нас бегают,—чисто чужие мы им стали...

Даже комсомольцы, свои ребята, и те встретили со смешком да с холодком: ученые, дескать, городские...

А секретарь ячейки, парень с чолкой, отпущенной ниже глаз, тот сразу огорошил:

— Ну, выучились? Доклады умеете делать? Вот, сейчас на доклад пошло...

— Да мы еще...

— Что, не умеете? Так чему же вас учат? Все равно не годитесь никуда...

Насылались к ним ленинский уголок устроить.

— Ладно уж,—говорят,—не путайтесь не в свое дело, сами с вами...

Дома тоже—молчание, пристальное, испытующее разглядыванье. Матери, те, понятно, обрадовались. Рассуетились, расплакались:

— Ну, хоть приехала к праздничку, спасибо. А то думала: за-была, небось, совсем доченька...

А осенью-то, как в первый раз уезжать собрались,—сколько слез было, причитаний, упрасиваний:

— Дочка, не ездят! Там вас с ружьем учить будут, сама застрелишься. Сколько всякой муки натерпишься...

— Одна поедет, а к весне, ожидай, вдвоем явится, с хахалем каким ни-то. Там ведь разврат один, а не ученье.—Это отцы ворчали в бороды, сурово уставившись в половицу.

А как тронулась тогда подвода, после торопливых, последних поцелуев, крестов и умаливаний,—матери долго бежали позади, до самого мостка, и там, на берегу, отрезанные от дочерей полусонной, замерзающей речушкой, долго, как по рекрутам, голосили, пока подвода не скрылась за ближней опушкой...

Теперь, на Рождестве, наслушавшись восхищенных дочерних рассказов о городе, о школе, об удивительной науке физике, от которой маленький уголочек в банке, как костер полыхает,—поуспокоились, попривыкли:

— Так уж оно к этому, видно, шло...

А к этому шло давно. Медленно, но упрямо шло. Комсомол... Его звали сначала дома чортовым клубом, а потом... привыкли. Потом кружок кройки и шитья, насажденный в Бережках Егоровой—с а м о й. Кружок сдобрен был слегка политграмотой, и там уже, на беседах, четыре будущие совпартишkolки впервые удивили быстрой своей мыслью, цепкой памятью, упорной пытливостью. Потом—разверстка в женотделе на четыре места в губсовпартишколу, слезы, споры, борьба... И вот они уже курсантки, ученые...

Когда мы вышли из столовки, день уже угасал, небо прояснилось на большой мороз, играли в нем легкие, неуловимые оттенки перламутра—дальняя синева, робко проступавшая сквозь дымку, белизна

расплывчатых, не очерченных облаков и на них розовые и палевые отсветы заката. Мы подошли к Селезневской чайной. Кругленькая юркнула туда, что-то долго там пропадала и наконец вывела за собой маленького, взлохмаченного и развеселого мужичка, с бельмом на одном глазу,—своего односельчанина. Утром он привез их из Бережков и теперь, поговору, должен был доставить за пять верст на станцию. Устроив свои базарные дела, он, по всем видимостям, успел здорово подгулять, потому что как вышел из двери, потный, курящийся паром, так сразу, не сходя со ступенек, притопнул, махнул короткой ручкой и закричал:

— Эх, красотишки мои, институточки, уж я вас прокачу, аж глаза заябнут... Вот только чайку допить дайте. Один-одиношный стаканчик. Не откажите, соседочки мои необыкновенные.

Но высокая сказала спокойно:

— Ладно, дядь Лексей, будет тебе. Ехать надо, а то опоздаем.

Девушки попрощались со мной, уселись в розвальни, двигая боками и приминая солому, на которой под рогожкой были сложены их узелки. Возница зачмокал, заерзал локтями, и лошадь тронулась. Кругленькая крикнула мне, сверкнув зубами:

— Егоровой писать будем, вам поклон пришлем!

И высокая добавила:

— Обязательно!

Я стоял и смотрел им вслед. Розвальни, кренясь набок и чиркая крылом, выехали на середину улицы, грязный розово освещенный снег заструился из-под них, отваливаемый полозьями. Девушки замахали мне руками, возница обернулся и тоже махнул и закричал что-то. Розвальни уплывали, уплывали все дальше, две колени, две неровные волны снега протянулись от них ко мне, и тогда-то озарило меня, вскобленного щемящей и благодатной тоской:

— Вот где я видел этот снег! Суриков, боярыня Морозова!

Летающими ногами я вошел в просторные снежные пределы картины и по следам полозьев зашагал к своему дому. Толпы, стоявшие по сторонам, рассеялись; лохматые юродивые с железными крестами на груди, испуганные голубовзорые отроковицы, кликуши, нищие с гноеточивыми слезницами,—все исчезло,—по сторонам дороги были обледенелые мостки деревянных тротуаров, заборы, вывески лавок и учреждений. Но долго маячило передо мной неистовое двуперстие, в упор глядели из-под соболевой шапочки грозные, несчастные женские глаза и, удаляясь, открывали мне весь жертвенный, пустынно-оснеженный путь русской женщины.

И задумался я о сегодняшних собеседницах своих, больше всего о той, которой не видел,—исчезнувшей, четвертой.

Та—поправшая холуйское никоннианство, прародительница бунта, и эта—свихнувшаяся на экономической географии и конституции чернореченская девчонка, да и все они, избравшие краткую дорогу... не одно ли семя, не древнее ли кропотливое упорство, крошащее утесы и погибающее под обломками?

Нет, зачем сближать несближаемое!—изменилась, ах, как изменилась Московия! Также черны бревенчатые срубы, и грязные торжки гомонят, и кружала торгуют, и тот же старинный снег кроет эту странную землю, но иной человек уже ступает по ней.

Бодро поскрипывает снег под его ногами.

ПРИВЕТ весне ФИЗКУЛЬТ-!

Весна идет,
И каждый час
Ее крикливый гам...
Галопом воды
Щепки мчат
К моим ногам.
Весна
полна своих причуд.
Весна—

мудреный врач.
И я от радости кричу,
Как этот первый грач.
Студент голодный
Солнце ест,
Коль корки хлеба нет,
А солнышку не надоест
Без ордера
И без монет
Давать такой обед.
Дорожки высохли,
и ВОТ
Стал плотным стадион,
И робко
Травка у ворот
Весенний славит звон.
Вот инфизкультуровцы идут

Дать первый
Вешний матч,
И словно радостью надут
Тугой футбольный мяч.
Картошкой
Катится ядро,
Блином
Блится диск,
И птахи давятся,

нутром
Вытискивая писк...
Мы брагу солнца
Залпом пьем,
Нам солнцу ль
Изменять,
И взгляд у девушки—копье,
Но не пронзит меня.
Ах, жарь, весна,
Ручей, гуди!
Вот, солнце,
тело—на.

На улице,
В ушах,
В груди—
Везде
Гудит
Весна.

Буря опутала. Падала ртуть,
Как падает тушь в рейсфедере.
Дыхание сжималось и мерзло во рту,
И лопались уши от ветра.
Море рычало. Горбатая бровь
Пенилась гневом и сединою,
Старик Посейдон хрипел мне: «Добро»,
И брызгал соленой слюною.
Волна поднялась надо мной, как вопрос,
Нависла губастою пастью,
Я слизнем над картой к рулю прирос,
Держа на авось, на счастье!
Кругом обстигал студенистый туман
Зеленых чернил... И в свисте
Ветров я забыл, где надежный лиман,
В котором радушная пристань.
Магнитная стрелка, как сердце в груди,
Звенела, моталась, стучала...
Мне часто случалось в моря выходить,
Но этаких бурь не встречал я.
Борты расползались... И снасти рвались...
И падала ртуть... И вздымались смерчи...
И высились волны... И низилась высь...
Вздымалось и падало сердце...
Но рыжие веки поднял маяк,
Ощупал—и было довольно:
Оставив изглоданный бурей костяк,
Я бросился в жирные волны.
И мышцы окрепли. И разум окреп.
Сквозь рифы, провалы, тревогу
К спасительной пристани разум прогреб,
Как эллипс, тугую дорогу.
И море стихало... Горбатая бровь
Спадала... прямела... И весело,
Поставив зачет, промолвил: «Добро»,
И руку пожал мне профессор.

Суровый век, родная колыбель,
В тебе ли сердце укачала в бред
Широкими напевами метель,
Пройдя сквозь бурный строй великих лет.

Совпала юность, этот светлый час,
С твоею юностью, суровый век.
Ты помнишь, в перегонки разомчась,
Мы начали стремительный разбег.

И с нами, сбрасывая кипень верст,
Бежали звезды, города, пруды,
Чтобы усилием одних упорств,
Закинуть жизнь в цветущие сады.

И нам сдавался золотой простор,
Сквозь смерть и голод пели города,
Чтоб наших жизней радостный костер
Не покрывался пеплом никогда.

Мои друзья сменили гул войны
На шелест книг и тишь библиотек,
Чтоб разгорался новый день страны
Твой лучший день, неповторимый век.

Я тоже с ними. Начат трудный путь.
Но часто вижу в беспокойном сне—
Из прошлого, прорезывая муть,
Ладони зарев тянутся ко мне.

Ленинград.

ИТОГИ ПЛЕНУМА ЦБ

(К итогам 3-го пленума ЦБПС ВЦСПС от 20—24 апреля)

В связи с проблемой реконструкции всего народного хозяйства на высшей технической базе вопрос подготовки высококвалифицированной рабочей силы теперь, как никогда, приобретает особо важное значение. Разрешением этого большого вопроса сейчас заняты самые широкие слои советской общественности. Вот почему неудивительно, что и последний пленум Центрального бюро пролетарского студенчества вплотную занялся этим вопросом, к тому еще ведь высшая школа является для промышленности основным поставщиком этой высококвалифицированной рабочей силы.

В порядке дня стоит вопрос, насколько наша высшая школа отвечает новым повышенным требованиям народного хозяйства. Не отрицая ряда достижений в работе высшей школы, как улучшение социального состава учащихся, поднятие академической активности студенчества и некоторое упорядочение учебной жизни и учебных планов, — можно ли сейчас удовлетвориться достигнутыми результатами? Нет, нельзя.

Много еще мы имеем пробелов и дефектов в деле подготовки специалистов, о чем свидетельствуют как отзывы руководящих организаций народного хозяйства, так и самих предприятий. Не случайно поэтому первым вопросом на пленуме был поставлен вопрос о подготовке специалистов для промышленности.

При разрешении этой огромной важности задачи пленум положил в основу своих работ директиву XV Съезда нашей партии: «...необходимо приложить все усилия к улучшению технического и агрономического образования и наибо́льшей подготовке кадров таких квалифицированных сил, которые, стоя на уровне мировой науки и техники, были бы активными участниками социалистического строительства». (Курсив наш.) Это постановление партии возлагает большую ответственность на высшую школу в целом и студенчество в частности.

Пленум выявил ряд больших недочетов в работе высшей школы и констатировал, что теперешняя подготовка инженерно-технического персонала не способна удовлетворить растущие запросы промышленности. Мы находим необходимым целиком привести в нашей статье все отмеченные пленумом недочеты, выражающиеся в следующем:

а) отсутствие сколько-нибудь удовлетворительной связи втузов с производством, а также между ВСНХ и Главпрофобром;

б) длительность пребывания студентов во втузах (7—8—9 лет) и низкая производительность втузов (диспропорция выпуска по сравнению с приемом и емкостью втузов);

в) многопредметность программ и их несоответствие новейшим требованиям науки;

г) отсутствие плана подготовки специалистов и каких-либо четких требований на потребный промышленности тип специалиста;

д) различие систем высшего технического образования в РСФСР и УССР;

е) как совершенная недостаточность материальной базы втузов, так и отсутствие у Наркомпроса плана переоборудования их; тяжелое материальное положение студенчества;

ж) недостаток квалифицированного педагогического персонала;

з) совершенно недостаточная деятельность издательских органов в деле снабжения студенчества новейшей технической литературой при чрезвычайной дороговизне этой литературы;

и) чрезвычайно медленная работа Наркомпроса и ВСНХ по организации связи между отдельными вузами (факультетами) и отдельными предприятиями в области организации производственной практики;

к) слабая постановка практики преподавания обществоведения и отсутствие увязки курса общественных дисциплин со специальностью, по которой готовит вуз.

Основной причиной этих недостатков нужно признать,—и пленум это отметил,—что нет до сих пор надлежащей увязки всего дела подготовки инженерно-технического персонала с промышленностью. Наши студенческие конференции неоднократно постановляли о необходимости этой связи. Имеется и соответствующее правительственное решение. Несмотря на это, пленум, на основании имеющихся фактов, должен был зафиксировать, что ни наркомпросы союзных республик, ни ВСНХ не проделали в этом направлении достаточной работы.

От разрешения этого вопроса зависит во многом надлежащее разрешение проблемы подготовки специалистов в целом. Поэтому пленум признал необходимым: «В кратчайший срок провести такую реорганизацию управления втузами и структуры самих втузов, которая обеспечила бы за промышленностью и профсоюзам максимальное влияние и контроль над постановкой обучения и дальнейшим развитием технической школы».

Большим тормозом в деле подготовки специалистов для единой промышленности являются также различные системы подготовки их в союзных республиках (система РСФСР и система УССР), а отсюда как следствие—отсутствие единого плана подготовки. Пленум признал необходимым в ближайшее время установить единую систему и также разработать в кратчайший срок единый план подготовки инженерно-технического персонала. Это даст также возможность выявить определенную производственную базу каждого вуза, т. е. учесть те предприятия, которые данный вуз или его факультет обслуживает, увязать учебную работу и план вуза с запросами той группы предприятий (производственной базы вуза), к которым вуз прикреплен; увязать научно-исследовательскую работу втузов (включая сюда и студенческие научно-технические кружки) с интересами развития промышленности и значительно ее расширить и развить и т. д.

Помимо указанных мероприятий по организации дела подготовки инженерно-технического персонала нельзя не отметить особо вопрос о материальной базе втузов. Как бы совершенно ни было поставлено дело организации самой подготовки, необходимо признать, что при теперешней материальной базе втузов, без значительного увеличения ассигнований на лаборатории, кабинеты, мастерские, библиотеки, ре-

монт и строительство учебных зданий и студенческих общежитий, улучшение материального положения профессуры, значительное улучшение материального положения студенчества и т. д., — не может быть обеспечена надлежащая подготовка специалистов. Пленум признал, что с 1928/29 учебного года в этом вопросе необходимо произвести сдвиг в сторону значительного усиления финансирования технического образования вообще, высшего технического образования в особенности.

Особо пленум обсудил вопрос о постановке производственной практики. Несмотря на то, что производственная практика проводится втечение уже ряда лет, постановка ее продолжает быть ненормальной. Основными недостатками в деле производственной практики надо признать отсутствие надлежащего руководства работой практикантов как со стороны инженерно-технического персонала предприятий, так и со стороны самих вузов. Дальше, значительный процент студенчества не имеет вовсе возможности проходить производственную практику. Слабую постановку этого дела пленум в значительной степени относит за счет недостаточного проявления энергии соответствующими наркомпросами, которые больше всего должны были бы быть заинтересованы в разрешении этого вопроса.

Пленум принял ряд конкретных постановлений по улучшению дела производственной практики (по вопросам системы учета и распределения, количества практик и их продолжительности, руководства практикантами и др.).

Следующий большой вопрос, который обсуждался на пленуме, это об использовании молодых специалистов. Как известно, оканчивающие наши вузы попадают на производство в качестве стажеров. Работа стажеров в большинстве случаев поставлена неудовлетворительно, и ряд фактов свидетельствует о недоброжелательном отношении старых специалистов к ним. Стажер на производстве занимает весьма неопределенное положение. В большинстве случаев стажер не ведет какую-либо определенную работу.

Главным недостатком в деле использования специалистов является то, что мы до сих пор не имеем четкой линии в деле правильного размещения молодых специалистов в народном хозяйстве. На этом вопросе сейчас должно быть сосредоточено внимание. Прежде всего пленум отверг систему стажа как дополнительное обучение после окончания вуза. Сейчас должен быть поставлен вопрос о плановом внедрении молодых специалистов в производство и создании нормальных условий для их использования, дающих возможность повысить производственную квалификацию, а для этого они должны быть использованы, как правило, по непосредственной их специальности. Для этого прежде всего необходимо приблизить вуз к потребителю и передать дело распределения окончивших по отдельным отраслям народного хозяйства соответствующим хозяйственным организациям, возложив на них же ответственность за правильное использование молодых специалистов. Необходимо также больше внимания уделить этому вопросу и со стороны профессиональных союзов.

В связи с новыми задачами вузов выдвигается необходимость особо напряженной работы студенчества, всемерного улучшения деятельности его организаций и установления максимально четких форм работы.

Сейчас вся работа студорганizations должна быть подчинена следующим задачам:

а) Систематически и упорно поднимать академическую успеваемость студентов.

б) Всемерно способствовать изживанию недостатков в постановке учебной жизни вуза.

в) Воспитать наше студенчество для активного участия в социалистическом строительстве.

Все ли у нас обстоит хорошо в работе студорганizations? Нет, этого еще нельзя сказать. Много есть пробелов, над искоренением которых мы должны трудиться. Нельзя отрицать того обстоятельства, что качество работы студенческих организаций будет влиять на качество учебы и на самовоспитание студенчества. Взять хотя бы вопрос об организации академической работы профстудорганizations,—одной из важнейших сейчас работ, долженствующих всемерно способствовать созданию благоприятных условий для более продуктивной учебы студенчества. Что мы тут имеем? До сих пор еще, несмотря на постановление 2-й всесоюзной конференции, наша низовая профстудорганization—профсекция—стоит в стороне от академической работы. До сих пор наши академические представители в учебных органах вуза не отказались полностью от административных функций.

В этой работе необходимо сделать резкий поворот. Надо дать возможность профсоюзам органически участвовать в этой важнейшей работе, а через эти профсоюзы привлечь к академической работе широкие слои студенчества, а не ограничиваться только верхушкой студактива. Это приблизит профсоюзы к производственной работе студенчества (учеба, руководство научно-техническими кружками, руководство академическими представителями и т. д.) и вместе с тем поднимет его авторитет. Это, конечно, вызовет необходимость некоторого уточнения организационной структуры студорганizations таким образом, чтобы она соответствовала административной структуре вуза. Нам думается, что нужно добиться такого положения, чтобы на одном факультете существовала бы одна профсекция, которой и передать руководство всей студенческой работой на факультете.

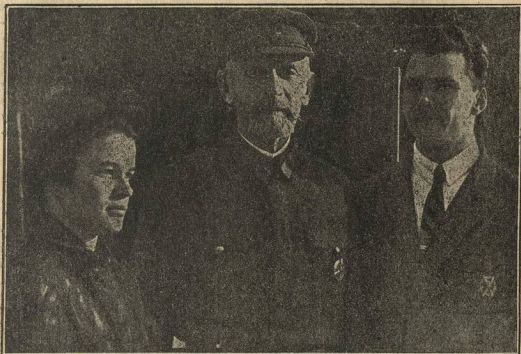
Следующий вопрос—это работа наших организаций по культурному и политическому воспитанию студенчества, работа, которая приобретает теперь особо важное значение. Несмотря на это, культурная работа продолжает хромать на обе ноги. Нет к ней до сих пор надлежащего внимания со стороны студорганizations. Недостаточно серьезно, а часто случайно подбираются культуротники. Слабость нашей культурной работы сказывается также в проявлении антипролетарских настроений среди отдельных групп студентов (антисемитизм и др.), в ослаблении интереса части студенчества к общественной работе и т. д. Нашим организациям нужно подтянуться на этом участке союзной работы. Особое внимание в этой работе мы должны уделить также и вопросу внедрения в студенчество здорового культурного быта.

Культурная и политическая работа среди студентов приобретает особо важное значение в связи с задачами культурной революции, в которой пролетарское студенчество должно сыграть большую роль.

Пленум на основании работ последних конференций на местах констатировал, что активность студенчества и его интерес к студпрофработе значительно возросли. Необходимо, чтобы наши студоргани-

зации направили эту активность по здоровому руслу, что возможно будет при условии деловой и серьезной самокритики всей нашей работы. Это будет одним из основных начал улучшения нашей работы, отвечающей запросам и интересам студенчества.

Вот основные вопросы, которые обсуждались на пленуме. Пленум охватил, как видим, наиболее важные очередные вопросы работы высшей школы и студорганizations. Решения пленума должны сыграть большую роль в деле улучшения подготовки специалистов.

Студенты Тимирязевской сель.-хоз. академии (Москва) гг. Шыт Б. П. и Власова Мария занявшие первые места на стрелковом конкурсе. В центре руководитель стрелкового кружка ТСХА—г. Решетников

От редакции. В № 17 журнала за подписями т.т. С. Каменева и И. Захарова, помещенными под результатами стрелковых студенческих соревнований, должны быть подписи представителей ЦБПС т. Колесникова, МБПС т. Маршака, военных работников т.т. Курдюмова и Барановского и от редакции журнала «Красное студенчество» т. Львова.

В № 17 журнала подписи этих т.т. не попали по техническому недосмотру редакции.

И. ШПИЛЬРЕЙН

ЕЩЕ О ПСИХОТЕХНИКЕ И КОМПЛЕКТОВАНИИ ВУЗОВ

В № 16 нашего журнала мы подняли вопрос о научной организации правильного выбора вуза рабоче-крестьянской молодежи, а в статье т. С. Геллерштейна и в примечании от редакции мы указали на важность применения психотехники при комплектовании вузов. Однако заявление т. И. Ходоровского, начальника Главпрофобра, что „до сих пор психотехника дальше отбора вагоновожатых, кажется, что не пошла“¹, заставил нас обратиться к руководителю психотехнической лаборатории НОТа, проф. И. Н. Шпильрейну, с просьбой высказать свое мнение по интересующему нас вопросу.

Ниже мы печатаем ответ т. Шпильрейна.

Ред.

Вы запрашиваете меня о том, насколько соответствует действительности утверждение т. Ходоровского со ссылкой на беседу со мной о том, что «психотехника до сих пор почти ничего еще не сделала даже в отношении школ ФЗУ и, кажется, еще не пошла дальше отбора вагоновожатых».

Отвечаю. Количество психотехнически испытанных людей за последний год в СССР значительно превышает 100 000. В это число входят обследованные ученики трудовой школы, подростки, поступающие в различные профессиональные учебные заведения, красноармейцы, курсанты военных школ, отдельные лица, проходящие по собственному почину или по предложению каких-либо учреждений индивидуальные испытания, рабочие, допускаемые к некоторым видам работы (вожатые, машинисты, шоферы и т. д.) только при условии благоприятных данных психотехнического обследования, и лица, поступающие в те вузы, где для некоторых групп установлено, кроме экзаменов, также психотехническое обследование.

Количество учеников ФЗУ, принятых после психотехнического испытания, превышает 20 000: только в Ленинграде и Москве их пропущено в нынешнем году через такое испытание свыше 15 000.

В Москве психотехническое испытание применяется при поступлении не только в школы ФЗУ, но и в некоторые военные и партийные учебные заведения, а также при поступлении на медфак для окончивших трудовые школы. Все, что приходится слышать о результатах этих испытаний, свидетельствует о том, что они значительно улучшили качественный состав учащихся.

Другой вопрос о том, насколько отбор только по одному признаку интеллекта соответствует принципам классового отбора. Конечно, психотехнический отбор ни в малой степени не должен нарушить этот основной принцип. Здесь есть только два выхода: с одной стороны, придание

¹ См. сборник Госиздата „Какого инженера должны готовить наши вузы“. 1928 г., стр. 11.

психотехническому испытанию не исключительного значения, и применение его уже в последнюю очередь по отношению к кандидатам, удовлетворяющим всем остальным требованиям. Так и делается в большинстве случаев. С другой стороны, необходимо расширить психотехническое испытание, выведя его за пределы одного только обследования общей одаренности.

Конечно, психотехническая работа до сих пор гораздо больше сделала в смысле учета общей одаренности, установления того, насколько студент обладает интеллектуальным уровнем, необходимым для прохождения курса вуза или втуза, чем для установления, на какой именно факультет или отделение ему лучше всего поступить. В последнем случае психотехнические методы диагностики оказываются часто беспомощными, и консультанту приходится часто руководствоваться не психотехническими своими познаниями, а такими общими соображениями, как учет интересов консультируемого, успешности, проявленной им в различных школьных предметах, а также знанием курсов и учебных планов различных высших учебных заведений и предположительной потребности народного хозяйства в тех или иных специалистах на ближайшие годы.

Группа лучших стрелков-студентов Киевского с.-х. института

Отдельные моменты стрельбы участников стрелковых соревнований. В овале т. Сагатовская Ю., занявшая среди студентов 2е место. Вверху группа военистов Киевск. с.-х. ин-та

ОТВЕТ НА ПИСЬМО — „СКАЖИТЕ, КТО МЫ?“

Отдел техникумов и низшего профобразования Главпрофобра сообщает нижеследующее по затронутому в письме вопросу о правах техников.

Этот вопрос с исчерпывающей полнотой освещен в руководящей статье, помещенной в «Учебных планах и программах индустриальных техникумов», утвержденных Гусом и опубликованных в сборнике официальных материалов НКП РСФСР.

Согласно постановлению, принятому Гусом и Главпрофбром в 1925 г. и утвержденному ВСНХ и НКП в 1926 и 1927 гг., оканчивающие индустриальные техникумы рассматриваются для мощных предприятий как ближайшие помощники инженеров, для предприятий же средней и малой мощности—как вполне самостоятельные и ответственные руководители этими предприятиями.

Давая общие контуры профиля техника, такое определение требует уточнения и детализации в смысле установления перечня должностей, предоставляемых техникам промышленностью, а также разработки круга прав и обязанностей, связанных с этими должностями.

Работа по уточнению и детализации профиля техника велась и ведется ВСНХ и некоторыми из ЦК профсоюзов.

Материал по этой работе приведен в указанном официальном сборнике НКП РСФСР по отделу техникумов Главпрофобра.

Одновременно с выходом указанного сборника были опубликованы «Типовые положения о начальнике работ, прорабе, технике и десятнике на строительных работах», разработанные ЦБ ИТС ВССР и утвержденные президиумом ВСНХ СССР (сборник приказов по ВСНХ № 12 1926/27 г.).

Права техников по составлению и подписыванию проектов (с конструктивной разработкой последних), а также права производства строительных работ по постройкам средней величины и т. д. рассматриваются в настоящее время в ЦК строителей и в комиссии по строительству СТО. Что касается упомянутых в заметке двух техникумов, выпускающих техников с пониженной подготовкой, то ни тот, ни другой не состоят в разделе индустриального образования, причем архитектурное отделение Ленинградского художественного техникума свертывается, установка же Ленинградского техникума градостроителей, не числящегося в сети техникумов НКП РСФСР, в настоящее время пересматривается.

Вопрос об унификации двух систем образования РСФСР и УССР, а вместе с тем и вопрос об унификации квалификаций окончивших техникумы этих республик выходит за пределы компетенции Отдела техникумов Главпрофобра НКП РСФСР и стоит на очереди в высших органах СССР.

¹ См. № 16 „Красного студенчества“.

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ

ПРАКТИКА
В 1958 г.

Оценивая итоги летней практики в прошлом учебном году, студенческие организации и Главпрофобр признали состояние дела практики неудовлетворительным. К числу основных недостатков нужно отнести: а) оторванность вузов от предприятий и учреждений, где студенты проходят практику; б) слабое руководство учебных органов вузов и техникумов делом практики; в) отсутствие твердо фиксированного количества и продолжительности практик по отдельным специальностям; г) слабое руководство работой практикантов на предприятиях; д) почти полное отсутствие учета результатов практики.

Устранение указанных недочетов не могло быть проведено без коренной ломки системы производственной практики. Такой недостаток, как отсутствие связи между учебными заведениями и предприятиями, был вызван тем, что ежегодно места практики переучитывались, и учебные заведения лишь в самый последний момент узнавали, на каких предприятиях будут проходить практику их студенты. Установленный порядок учета и распределения практики через центральные органы (Наркомтруд и Главпрофобр) не давал возможности вузам наладить органическую связь с предприятиями. В текущем же учебном году по трем специальностям (горной, металлургической и текстильной) проведена уже работа по прикреплению вузов к предприятиям на длительный срок. При этом положении можно будет избежать ежегодного переучета мест, с одной стороны, и с другой — вузы и техникумы все вопросы, связанные с постановкой практики, будут разрешать непосредственно с предприятиями. За Главпрофобром, Наркомтрудом и центральными управлениями хозорганов остается право вмешательства в случаях возникновения конфликтов и общего учета результатов практики. Следующие данные свидетельствуют о степени удовлетворения заявок вузов на практику:

Группы	Вузы		Техникумы	
	Количест. мест	% удовлетворения	Количест. мест	% удовлетворения
Горная	755	60%	253	59%
Металлургич.	890	76%	120	80%
Текстильная	962	100%	564	100%

Прикрепление вузов к предприятиям связано с целым рядом трудностей. По отдельным специальностям в пределах той или иной группы мы имеем или избыток мест или недостаток. Несмотря на то, что процент удовлетворения по горной группе 60, в резерве ГПФ осталось 421 место, которые не могут быть использованы. Эти места преимущественно по специальности «угля», по которой процент удовлетворения выше 200. Точно так же по металлургической группе остался резерв в 78 мест, при наличии недостатка по специальностям—сталелитейного дела, электро-металлургии, электролиза и др.

Еще большие затруднения будут, вероятно, при прикреплении по другим группам, но, не взирая на это, прикрепление по всем остальным группам должно быть закончено к началу 1928/29 учебного года. Очевидно нужно будет установить индивидуальные нормы по отдельным специальностям, исходя из количества заявок вузов и возможностей отдельных предприятий.

Неразрывно с этим должен быть разрешен вопрос о количестве практик и их продолжительности. Вполне очевидно, что количество практик и продолжительность должны быть установлены отдельно для каждой специальности. При этом нужно добиться удлинения срока каждого пребывания студента в производстве. Куда лучше иметь две практики для учащихся индустриально-технических учебных заведений с продолжительностью в 4 и 6 месяцев, так как пребывание студента на практике 1½-2 месяца, но зато 3-4 раза, как это имеет место теперь, вряд ли дает пользу ему, самому студенту, и предприятию.

Эта программа, однако, может быть выполнена лишь в том случае, если для этого будет отведено соответствующее время в учебных планах. Проводить практику в течение 4 и 6 месяцев во время летнего перерыва не удастся. Нужно изменить сроки начала и окончания занятий с тем, чтобы наметить время и для практики и для отдыха студентов.

Важным является также вопрос, кого посылать на практику. Здесь мы имеем большой разноряд. Есть одна, принципиально неверная, точка зрения: «что дают, то и надо использовать», т. е. если есть свободные места, то посылай студентов младших курсов и даже учащихся не по той специальности.

Делать это, значит не учитывать интересов промышленности. На практику нужно посылать в первый раз студентов, перешедших с 3 на 4 курс, и во второй—студентов, перешедших на пятый или дипломантов. При этом только практика принесет действительную пользу и студенту и предприятию.

Студенческие организации должны добиться, чтобы оставшиеся свободные места практики не передавались студентам младших курсов, ибо практика не есть средство для заработка, а один из важнейших учебных процессов. Нам скажут, что практика дает возможность студенту знакомиться с рядом предприятий, что можно студента младшего курса использовать в качестве простого рабочего. Мы думаем, что эти задачи могут быть выполнены путем организации экскурсии и надлежащей постановки практических работ в мастерских вузов, но отнюдь не использованием мест практики, имеющей другие задачи.

Слабое руководство практикой со стороны учебных органов, вызывает целый ряд недостатков в постановке практики. Программы прохождения практики, как правило, не бывают согласованы с предприятиями, где студент отбывает практику, и ряд заданий, намеченных программой, не выполняется. Необходимо побудить учебные органы

в текущем учебном году снабдить студентов уже заранее согласованными программами. Через профессиональные и хозяйственные организации необходимо добиться также надлежащего руководства работой практикантов, со стороны инженерно-технического персонала предприятий. С целью выявления отдельных недостатков и лучшей организации практики в текущем учебном году, ГПФ намечает проведение инструктора, главным образом, по прикрепленным группам. Инструктора будут посещать отдельные предприятия. Нужно добиться, чтобы пребывание инструктора на крупных предприятиях было не менее двух недель. В течение только такого срока инструктор сможет, при согласованности с администрацией, устранить недочеты в работе практикантов; материалы же этих более или менее длительных наблюдений будут весьма ценны для дальнейших мероприятий, связанных с улучшением постановки практики.

Этого, однако, мало. Студенческие организации должны добиться, чтобы делом практики вплотную занялись учебные органы на местах, привлекая к участию профессуру. Положение, которое имеется теперь, когда практикой «заправляют» студенты, нужно признать крайне ненормальным. Нужно отказаться студенческим представителям от выполнения целого ряда обязанностей в комиссиях по практике и передать это профессуре.

Отдельно следует остановиться на вопросах, связанных с общественной работой практикантов. Производственная практика помимо приобретения студентом навыков практической работы, дает ему возможность ознакомиться с условиями труда и быта рабочих. Это последнее возможно в том случае, когда студент примет активное участие в общественной работе учреждения или предприятия. Общественная работа обязательна для практиканта. Нужно только добиться того, чтобы общественная работа была согласована со специальностью студента, а не мешала выполнению заданий по практике.

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР ЖУРНАЛА „КРАСНОЕ СТУДЕНЧЕСТВО“ ВЫЙДЕТ В НАЧАЛЕ НОВОГО УЧЕБНОГО ГОДА (В СЕНТЯБРЕ).

РЕДАКЦИЯ НЕ ПРЕКРАЩАЕТ РАБОТУ ВО ВРЕМЯ ЛЕТНИХ КАНИКУЛ. ПРИЕМ МАТЕРИАЛА ДЛЯ ОСЕННИХ НОМЕРОВ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

МАТЕРИАЛЫ О ЛЕТНЕЙ ПРАКТИКЕ, О ДОМАХ ОТДЫХА, О РАБОТЕ В ДЕРЕВНЕ И Т. Д. РЕДАКЦИЯ ПРОСИТ ПРИСЫЛАТЬ НЕ ПОЗДНЕЕ 10 АВГУСТА.

ПОДГОТОВКА НАУЧНОЙ СИЛЫ

Сказать, что выдвижение научных сотрудников в вузах дело молодое—мало. В крупнейших ленинградских и московских вузах оно было поставлено как следует только в истекающем учебном году. Впрочем, и до сих пор оно не нашло ясных форм развития.

Прежде всего: для чего проводится выдвижение? Не спешите удивляться,—это вовсе не такой наивный вопрос, как кажется.

Все согласны (и положение Главпрофобра это утверждает), что институт выдвиженчества создан для того, чтобы обеспечить нашим вузам хорошую, марксистски подготовленную научную смену.

Но как это лучше провести? Часто случается, студента III или IV курса выдвигают, дают ему повышенную стипендию, ставят в наилучшие возможные условия для самостоятельной научной работы, всячески облегчают получение консультации у профессоров... а затем человек кончает институт, уходит на работу и порывает всякую связь с вузом.

— Прощай, научная работа!

Конечно, это не общее правило, но достаточно распространенное явление. Ближайший пример—педагогический институт им. Герцена. В нем насчитываются десятки студентов-выдвиженцев, которые, может быть, и пригодны к научной работе, но по причинам материального порядка (отъезд на место в провинцию, перегруженность и т. п.) не могут или не хотят продолжать научную работу.

Пропала ли затраченная энергия на приобретение знаний? Нет, конечно. Но не достигнута и главная цель—подготовка молодых научных работников из среды студенчества.

Неумение использовать выдвиженцев—ошибка не только педвуза. Мы поэтому не удивляемся, что из герценовцев больше половины выдвиженцев отходят от научной работы, или, выражаясь языком протоколов, отсеиваются.

Уместно поэтому поговорить о методах комплектования выдвиженцев. Ведь от того, как подошли студенческие организации к разрешению этого важного вопроса, зависит в значительной степени и дееспособность предполагаемых ученых.

Крайне любопытно проводилось выдвижение в Горном институте. При исполбюро была создана комиссия по выдвижению (из представителей факультетов), которая первым долгом обратилась к правлениям научных кружков с соответствующим «воззванием». Но кружки начали выдвигать главным образом тех, кто «сам напрашивался на научную работу». Комиссии это не понравилось, и она решила созвать пленум правлений кружков. Правления просмотрели список всех студентов старших курсов (нелегкая работа) и отобрали из них 90 чел. «наших» парней. Затем, не опрашивая согласия у намеченных, список был представлен на утверждение исполбюро, которое оставило из них 60 человек.

Когда же члены комиссии начали спрашивать у этих студентов о желании заняться научной работой, желающих нашлось меньше половины. Из 90 намеченных только 28 согласилось посвятить себя научной деятельности. Да и этих часто приходилось «вовлекать». А остальные?

Члены исполбюро сами признают:

— Не умели уговорить. Не было агитаторов.

К счастью, «агитационные» методы выдвижения не нашли сторонников в большинстве вузов.

Гораздо более отрадную картину мы видим в Ленинградском университете. Еще с весны студорганizations и профессура выставили своих кандидатов на заседаниях предметных комиссий. Обычно кандидатуры тех и других совпадали. Около 200 чел. выдвиженцев ЛГУ уже утверждены правлением и частью прикреплены к кафедрам. Дружную работу студенчества и профессуры в деле выдвижения особенно важно отметить.

Не менее гладко прошло выдвижение в Институте народного хозяйства. Во второй половине учебного года студент II курса выдвигается по теоретической экономии, работает $\frac{1}{2}$ года на II курсе и $\frac{1}{2}$ года — на III. Затем предметные комиссии должны произвести ему переквалификацию (путем письменных рефератов), затем уже выдвиженец работает по избранной им экономической дисциплине. По специальным предметам выдвижение производится с III курса. Как видно, система довольно своеобразная.

В технологическом институте дело осложнилось: сразу же на первых заседаниях предметных комиссий обнаружилось расхождение кандидатур студорганizations и профессуры. Возможно, что списки не были достаточно продуманы в исполбюро или у профессуры имелось некоторое недоверие к тем студентам, которых они не знали и которых тем не менее выдвигают под их руководство. Так или иначе, в ЛТИ намечены только предварительные списки выдвиженцев.

Успех выдвижения будет зависеть от количества средств, — полагает исполбюро. Свою задачу оно пока сводит к тому, чтобы обеспечить наиболее способным, стремящимся к научной работе студентам приличные материальные условия (стипендию не менее 75 р.), в которых они уже сами будут «выдвигаться». С этого, говорят они, нужно начать. Такие «полуофициальные» выдвиженцы в ЛТИ сейчас уже есть. Что же касается руководства профессуры, то требовать его в порядке постоянном и плановом от нее нельзя до тех пор, пока эта работа не будет оплачиваться. Профессура слишком для этого перегружена.

Технологический институт прав, ставя на первый план вопрос о средствах. Недосток средств вообще крайне тормозит выдвижение. В сметах вузов расходы на выдвиженцев не предусмотрены. Отсутствие оплаты профессоров, так же как и недостаток стипендий самим выдвиженцам (в университете выдвиженцы получают только госстипендию, немногие хозяйственную), несомненно, отрицательно влияют на успешность работы.

Повышенные стипендии выдвиженцам особенно необходимы. Кое-где они есть (Институт народного хозяйства, Политехнический институт), но далеко не везде.

Очень важное место в работе выдвиженца должны занимать научные студенческие кружки. В педвузе, однако, участие в кружках очень слабое. На должной высоте она стоит еще далеко не везде.

Совершенно особо стоит вопрос о выдвижении научных сотрудни-

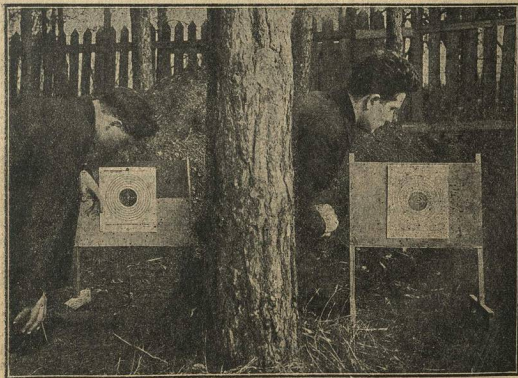

ков в художественных вузах. Положение Главпрофобра к ним почти не применимо, оно ведь предусматривает выдвижение лишь по теоретическим, главным образом, лекционным курсам. В Академии художеств все основные предметы—живопись, композиция и др.—предметы практические. Теоретические же дисциплины занимают третьестепенное место. Таким образом художественные вузы как будто лишаются возможности выдвигать научную силу. А необходимость в ней чувствуется здесь особенно остро. Ясно, что необходимо принять какие-то срочные меры.

Такова в общих чертах картина выдвигенчества. Как видно, сделано еще очень немного. Мы имеем только первые шаги—часто не твердые и неуверенные. Пусть: ошибки пойдут на пользу. Важное, большое дело начато—нужно умело его продолжать. От местных, вузовских организаций требуется в нем максимум чуткости и обдуманности. Выдвигенец—это человек искренно преданный науке, желающий посвятить ей всего себя. Только такой студент сможет занять впоследствии кафедру. Выявлять же будущего профессора нужно не по спискам факультетов, не в порядке ударной «агитации», а в процессе повседневной будничной работы, внимательно к нему присматриваясь.

Отыскать будущего специалиста-общественника, будущего советского ученого, научить его понастоящему работать—трудное и ответственное дело, и только при особом внимании к нему здоровая научная смена будет обеспечена нам на все сто процентов.

Ленинград.

Лучшие стрелки-студенты Киевского с.-х. ин-та т. Ямковенко (слева) и т. Подлюн (справа) у своих мишеней

УЧЕТЕ

Успеваемости.

Что учет успеваемости в наших вузах поставлен неудовлетворительно, с этим вряд ли найдутся желающие спорить. Унифицированных методов учета нет даже по вузам одинаковой специальности. Поэтому вполне своевременной (наконец-то) является постановка этого вопроса Главпрофобр.

Тов. Челябинов в своей статье¹ одним из первых ставит такой вопрос: «Что нужно понимать под словом успевающий студент?» Если бы существовали реальные учебные планы—реальные в смысле сроков обучения, то на такой вопрос ответ был бы весьма простым: «Такого, который ежегодно переходит с курса на курс и кончает вуз в положенный срок». При современном же положении дела с учебными планами понятие об успеваемости студента установить весьма трудно.

Поэтому изгнание термина «условная успеваемость», за что ратует т. Челябинов, к сожалению, на ближайшее время невозможно.

Ведь установление 75% переходного минимума, как рекомендует т. Челябинов,—есть фактически признание гражданских прав за «условной успеваемостью». Если человек только один год не выдержит 100% курсового плана, он уже не может закончить вуз в положенный пятилетний срок. Ведь планы дальнейших курсов целиком заполнены своими предметами, и где же взять время на ликвидацию 25% за предыдущий курс?

Поэтому без пересмотра учебных планов, без их сокращения, «безусловная успеваемость» лежит за пределом, к которому можно стремиться, но достичь которого невозможно, что известно даже из математики.

Цифры, которые приводятся в материалах ЦБ к докладу на президиуме ВЦСПС², говорят, что сроки фактического пребывания студентов в вузах колеблются между 6, 8 и 8, 7 годами. Цифры—вещь упрямая, и поэтому говорить о «безусловной успеваемости» пока рано.

Нужно начать с учебных планов, начать основательно, и тогда можно будет говорить и об изгнании «условной успеваемости».

Что же касается учета качественной успеваемости, то здесь дело гораздо сложнее. Такой учет должен быть организован, но не таким упрощенным методом, как рекомендует Главпрофобр. Главпрофобр идет по линии наименьшего сопротивления. Нужен качественный учет—хорошо. Вернемся к методам старых гимназий и пансионов для благородных девиц—введем отметки!

Что дают отметки? Дают ли они правильное представление о качестве учобы? Улучшают ли они методику «зачетного дела»?

На эти вопросы нужно ответить отрицательно. «Добрые» преподаватели, о которых говорит т. Челябинов, такими же останутся и при введении отметок. Им нет никаких оснований меняться. Не внося

¹ „Кр. студенчество“ № 15.

² „Кр. студенчество“ № 16.

никаких улучшений в процесс обучения, отметки имеют много отрицательных сторон. Отметки будут ставиться людьми, хотя и носящими звание научных работников. Следовательно, уже одним этим обстоятельством «безгрешность» отметок ставится под сомнение. Очень часто отметка будет не функцией знаний студента, а функцией настроения профессора.

Кроме того студент на экзамене и студент в жизни—вещи совершенно разные. Студент, знающий хорошо предмет и могущий толково и членораздельно рассказать его товарищам,—на экзамене частенько превращается в рыбу, выброшенную на берег,—ловит ртом воздух, а сказать ничего не может. Особенно это относится к младшим курсам. Будут, конечно, и такие явления, что отметки, полученные на первых экзаменах, будут влиять на дальнейшие отметки.

Преподаватель в сомнительных случаях будет заглядывать в зачетную книжку и ставить отметку сообразно с предыдущей.

В дальнейшем эти отметки будут, очевидно, влиять и на свидетельство об окончании. Может случиться, что человек весьма одаренный и работоспособный, но не умеющий показать «товар лицом», получит худший аттестат, чем его менее одаренные, но более ловкие товарищи.

Отметки, конечно, создадут категорию людей—«ловчил», которые будут стремиться получить хорошие отметки всяческими способами: путем мелких услуг преподавателям, иногда и путем «подмазывания», путем зубрежки до одурения без всякого критического подхода.

Все это вредные вещи, и студенчество должно энергично восстать против отметок.

Оценивать людей вещь трудная. Л. Н. Толстой был уволен из университета за незнание русского языка. Об этом мы узнали из его биографии. А сколько людей, конечно, не «Толстых», но более способных, чем средний человек, попадающий в вуз, было изгнано из высших школ путем отметок и оценок? Об этом у нас сведений нет, но что таковых немало—в этом мы уверены.

О качестве учобы нужно подумать. Нужно просуммировать опыт вузов в этом направлении. Во многих вузах такие попытки делались путем защиты курсовых проектов в комиссиях, путем оценки работы в семинариях, научных кружках и т. п.

Эти методы, конечно, сложнее методов, предлагаемых Главпрофобром, но они объективнее и не имеют таких ярко выраженных отрицательных сторон, как отметки.

Может быть, найдутся и другие методы. Об этом нужно подумать. Отметки же нам не нужны, потому что, не решая вопроса, они вносят много вредного.

Примечание. Статья печатается в порядке обсуждения письма Главпрофобра РСФСР об учете успеваемости студентов (см. «Кр. ст.» № 15).

СТУДЕНЧЕСТВО

КИНО

БОРИС ЗИЛЬПЕРТ

КИНОМОЛОДНЯК

Бывший ресторан Яр. Притон разгульной, широкой купеческой природы. Московская замоскворечина, опора престола и креста, здесь лихо забавлялась по ночам.

Много зал, много кабинетов, много лестниц, много ходов и выходов—для купеческих страстей старой Москвы. Бессмысленная, аляповатая архитектура.

Промышленная Россия отсюда начала и здесь кончила свою короткую историю; в этих кабинетах хранились «ключи счастья» Морозовых, Рябушинских, Крестовниковых и других.

Даже после Февральского переворота Терещенко и Коновалов особыми телеграммами обещали «этому учреждению» поддержку и помощь.

«Яр может смело ужиться бок о бок с Учредительным собранием»,—успокаивали эсеры растерявшихся купчиков.

Но Октябрь опустошил эти богато убранные залы и кабинеты.

Теперь в Яре лаборатория киноискусства—кинотехникум.

Изучаются человеческие чувства, мысли, настроения. Психология и ритмика движения. Нелегко, совсем нелегко усвоить, как люди любят, ненавидят, дерутся, живут.

— Чтобы показать любовь и драку, нужны большие знания,—говорит мне маленький низкорослый юноша с очень фотогеничным лицом.

— Лицо, как составная машина из 116 частей (а может, и больше); надо уметь владеть всем этим механизмом, уметь приводить в движение то половину, то четверть, то осьмушку этого сложного состава,—сообщает мне одна из слушательниц на вопрос, чем занимаются люди в ГТК.

— А кроме лица у человека столько частей тела, что всего не сосчитаешь,—шутит Алешка, любимец техникума.

— Давай, сосчитаем,—вмешивается в разговор серьезный бородач с лицом византийского императора. Категоричный, сильный поворот головы, ловкий взмах руки, и я услышал звук пощечины. Это оказывается повторение сданного вчера этюда, больше ничего. Все рассмеялись. «Удачно, удачно!»

— В нашем техникуме нельзя верить ни слезам, ни пощечинам, ни крикам о спасении, ни завыванию юродивого,—говорит мне мой гид,—это все «тема», но не быт, не жизнь. Это или разрабатывают тему, или это эхо, отклик сыгранного этюда, эпизода.

— А вам можно верить?—спрашиваю я недоуменно.

— Пока я не играю—можно, мы бесплатно не плачем и не деремся. Когда стол труда отправляет нас на драку, мы веселы, потому что за участие в боях нам платят пятерку, а иногда и червонец.

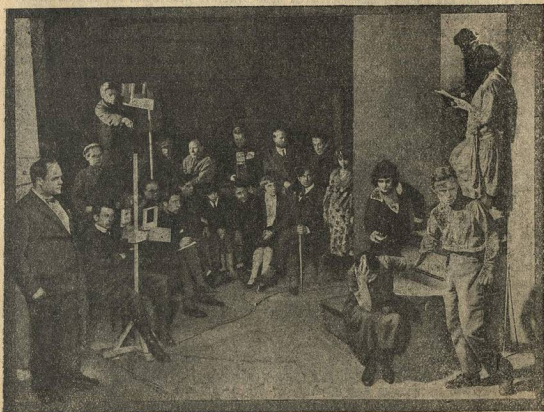
— Значит, вы живая сила, наемники, ландскнехты?

— Да,—рассмеялся мой проводник.

Странное у него лицо, как будто надетое лицо, не свое. Улыбка, глаза, рот, беголо движущиеся зубы,—все мне кажется привинченным, наклеенным. Грим, обстановка грима всегда так действует на свежего человека.

— Только, пожалуйста, не думайте, что мы какие-то особые студенты. Нет, как все вузовцы, мы живем в тесном общежитии, есть у нас и склоки и небольшие интрижки и кое-какие нелады с администрацией. Не смотрите на то, что мы в трусиках и иногда корчим гримасы, и не пишите о нас, как принято писать о киноактерах или киностатистах,—замечает мне молодое женское личико с вершины какой-то бочки, откуда она рассматривала, повидимому, разыгрываемый этюд.

— Брось бузить,—летит ей вслед хриплый голос худого парня, тоже в трусиках,—наоборот, у нас лучше, чем во всех вузах. Никаких недоразумений, никаких шероховатостей, никакой богемы, все изжито, все в прошлом.

ГТК. Завятия режиссерской группы

— Значит так и передать студенчеству союза, что у вас все благополучно и по благополучию вы можете получить приз?

— Да, да, пожалуйста, все в порядке.

Каждая фабрика, каждое учреждение, каждый вуз имеют какой-то свой особый пульс. Его трудно нащупать случайному человеку. Он глубоко запрятан в архивных бумагах, в папках, в тиши коридоров, в стрелках часов общежития;—особенно неуловим пульс работников искусства. Люди привыкли играть, изображать, показывать фокусы,—трудно разобраться в них.

— Товарищ, почему у вас такой грустный вид?

— Скоро буду изображать тоску по любимому, готовлюсь.

Вся молодежь ГТК, каждый на свой лад, согласно предметным расписаниям, усердно готовится любить, страдать, драться, побеждать.

Затерялся пульс быта, и несколько гидов не могут показать его мне.

Решил побродить один.

Из-за лестницы вынырнул толстенький человечек, шагает раскачиваясь. Глаза усталые, рот большой, почти сливается с носом, у него, говорят, рот и нос вместе.

По лицу понял, что он из старых. Заговорил с ним.

— Понимаете, понимаете, много есть о чем поговорить. Главная беда в том, что наш техникум еще не сумел завоевать широкого общественного внимания. Кинопромышленность вместо того, чтобы смотреть на нас, как на человеческий резерв, считается с нами, как с пасынками. Например, один из острых вопросов— это пленка. Мы просим Совкино: дайте нам еще 4 000 метров, нехватает воздуха для легких техникума,—а Совкино не дает, в то время как на картины тратятся десятки тысяч метров даром, а на учебу жалеют пустяк—несколько сот метров. Мы просим, как нищие подаяния. Затем надо отметить некоторый антагонизм между старыми режиссерами и молодняком. Старый режиссер сделал этнографическую картину, она обошлась в 30 000 рублей, а я теперь тоже сделал этнокартину, которая обошлась в 2 000 рублей. Опасность конкуренции заставляет старых работников ревниво относиться к нам, молодняку. В техникуме ощущается большой недостаток педагогических сил, нехватает высококвалифицированных педагогов; что касается администрации, то она со скоростью кинофильма меняется у нас. Эти бесперывные смены сильно тормозят нормальное развитие техникума. Много, много могу рассказать. Мой номер телефона можете найти в телефонной книжке.

Около пяти раз мне напомнил мой собеседник, что он включен в книжку телефонных абонентов. Этот человек бесспорно патриот ГТК, но, кажется, он далеко отошел от сегодняшнего дня в техникуме, где рабоче-крестьянская молодежь начинает переворачивать всю жизнь этого своеобразного учреждения.

Девушка из старых слушательниц техникума. Она ушла от кинорботы, она и попала туда, вероятно, случайно. Она мелкий счетовод. С ненавистью смотрит на ГТК, где пропали три года жизни и столько надежд. Ее фотогеничное лицо уже постарело, и мускулы-кrepльши на уроках акробатики начали ослабевать, опускаться, как петельки на шелковом чулке. Она рассказывает о былой жизни ГТК. Были разные режиссеры. Были такие, которые любили, чтобы этюды сдавались в накрашенном, напудренном виде.

— Помню период, когда в этюдную тему обязательно входили кафе и проститутка. Каждая слушательница должна была продемонстрировать проститутку, покачать бедрами. Ох, было много,—и моя собеседница задумалась.—Голодала, ходила в галошах на босу ногу, а теперь ничего, все пропало даром.

Вторая из слушательниц—курьера в каком-то учреждении.

Все это произошло благодаря тому, что набирались люди случайно, не было строгого отбора, не было серьезного подхода к поступающим ученикам. В итоге—разбитые, пропавшие годы.

Эти живые примеры должны послужить предостережением и сегодняшнему дню. Мне кажется, что при приеме в ГТК еще и поньше обращается мало внимания на приспособленность того или другого поступающего к кинорботе. Можно отметить много случаев, когда поступающие на второй год бросали техникум.

Из угла смотрит на меня женщина, волосы завитушками; смотрит, как маленький, хищный звереныш. Оказывается, была комсомолкой, исключена за легкое поведение, за отрыв от общественной работы. Теперь выработывает из себя стиль киноактрисы жанра «звезд». Мне кажется, что она еще не совсем потеряна, но товарищи уже махнули на нее рукой, с каким-то пренебрежением говорят о ней. Не слышом ли скороспелый приговор? Надо все-таки считаться с обстановкой. Здесь нужны особо осторожный подход, анализ и выводы.

Мужественное лицо, белый, резкий взгляд, говорят,—бывший гардемарин; типичный актер. Он годится на все подмостки: кино, оперы, драмы, оперетты, фарсы или в конференсье мюзик-холла. Он лавирует среди всех режиссерских школ и направлений. Он живет играя и играет без грима, без костюма, без роли. Он из тех людей, для которых жизнь—игра. Все равно, на каких позициях: политики, любви,

искусства, все равно—где. Он даровит и умен, как все трагические герои. С ним считаются товарищи, как с азартным игроком даже на фоне мелких этюдов.

Пробежал кривыми шагами тонкий и высокий человек, по клетчатой рубашке видно, что он «рубаха парень»,—бывший шофер. Может быть ему кажется, что он управляет мотором и он гудит в несуществующий рожок «берегись, дорогу мне». Мой гид говорит, он пробьет себе путь, у него пролетарская хватка. Он не отступит, он из новых киноактеров, для которых кино—художественное ремесло, и чувствует он себя шофером кинематора.

Кино—это смесь стилей и эпох. Кусочки этой смеси встречаются и здесь. По широкой лестнице спускаются в буфет «Максимов и Вера Холодная образца 1928 года». Лица их с «психологическим» уклоном. Массивные серьги, массивная краска на губах, массивные взгляды. Это лишние люди в ГТК, это лишние люди эпохи, их не переделаешь, они трагичны без роли, без игры, потому что их роль уже давно сыграна. С каждым годом число «таких» в техникуме уменьшается.

ГТК. Разучивают этюд

Есть еще одна группа, правда, небольшая, но которую следует отметить,— это слушатели с повышенным самомнением. Стоит такому раз или два где-нибудь засняться, как он «воспитывает» себя, подготавливает к звезде переворозрядной величины, перестает раскланиваться, разговаривать с товарищами, уходит в «высший свет». Встретился с одним из этих. Он меня окликнул «фотогеничным взглядом», хотел вероятно изобразить, как он знаменито будет давать интервью обступающим его репортерам. Он цедил каждое слово, небрежно бросил фразу: «собственно говоря, техникум меня мало интересует, он меня никогда не удовлетворял». Наша беседа происходила в акробатической зале, где несколько юношей изучали принципы гибкости. Я у него спросил (сознаюсь, нарочно):

— А вы умеете выделять такие штуки, или ваш курс этого еще не изучает?

В ответ я получил ожог глаз. Этот непонятный киногоений повернулся и выскочил мягкими прыжками. Потом я узнал, что «самомнение»—эпидемическое явление художественных вузов. С этим бороться можно, только усугубляя культу-работу среди слушателей. К сожалению, с культурботой в ГТК дела далеко не блестящи. Имеется небольшая клубная комната, где несколько человек играют в

шашки. Жадная, очень жадная библиотечка. Совершенно отсутствует иностранная кинолитература, несмотря на то, что многие из слушателей знакомы с немецким и английским языками.

Торжественно и весело шествует девушка в красной блузе с молодым, страшно молодым лицом. Мне передают, что недавно в одном немецком киножурнале была напечатана статья о ГТК и помещен фотоснимок этой девушки. С тех пор она получила несколько приглашений из Германии ехать туда на работу. При этом мой гид мне жалуется:

— За границей печатают о нас, а в собственной прессе отказываются помещать наши заметки («Киногазета»).

Не знаю, насколько это верно,—если же это факт, то, бесспорно, возмутительный.

Присутствую на зачетах. I курс сдает этюды. Драка. Обстановка переулочного города с потрепанным ветром и пьяными столкновениями, фонарями. Счетчик считает: раз, два, три, четыре. Это вроде аккомпанемента.

— Дерутся как львы,—шепчет кто-то сзади.

Один кидается головой в какой-то ящик, партнер тащит его за ноги. Оба хрипят от напряжения. Кончили. Режиссер делает замечания, указывает на дефекты.

Вторая пара готовится. Все кругом участливо взволнованы. Тема: из крепости бежит арестованный, борьба часового с беглецом. После нескольких минут бешеной схватки ребята в поту, еле дышат. Режиссер недоволен. Тема хорошо задумана, выполнение неудачно. Слишком много лишней возни. Ребята вытирают пот с хмурых лиц. Им, как видно, казалось, что и игра и замысел—все шедевр,—и вдум—«неважно».

Разошедшаяся первокурсница, играя сцену в пивной, разбила даже бутылку,—весь пол залит водой. Режиссер разъясняет, что в игре темперамент нужен, но вовремя и в меру. Я вспоминаю далекие студенческие годы, зачеты первокурсников: замечания преподавателей казались тогда неверными, обидными, нарочно придуманными. Решил поговорить с неудачливой героиней. Она, оказывается, работница, ушла с фабрики.

— Кино должно быть нами завоевано и будет,—говорит она.—А пьянство я сумею показать, потому что близко знакома с бытом темного люда. Для нас кино не забава, не игрушка; не блистать украшениями и побрякушками на экране пришли мы, а показать тяжелую жизнь людей труда, которые не знали, что такое культура,—так декламирует она свою кинопрограмму.

— Простите, вы газетный работник?—неожиданный вопрос из глубины «спальни миллиардера» (декорация).

— Да,—отвечаю я.

Между нами завязывается разговор.—Расскажите о вашем быте,—прошу я.—Я никак толком не могу разобраться,—слишком пестрая среда. Тут и дамы с тяжеловесными серьгами, тут и комсомолки с бодрыми физкультурными перспективами. Не разберешь, где игра—где настоящее, где подлинное—где подделка.

Незнакомка, выпорхнувшая из «спальни миллиардера», поинтересовалась острожно:

— А вы не режиссер?

Я почему-то решил, что с режиссером она будет откровеннее, и очень любезно сказал:

— Да, я приезжий режиссер и газетный корреспондент, работаю по совмещенности, поговорим по душам.

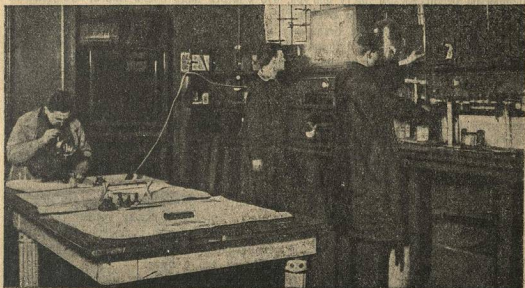
— По душам актриса с режиссером будет разговаривать только тогда, когда мы построим окончательно социализм,—пока их разговоры ближе касаются тела, чем души.

— Что вы?—и я принял вид самого невинного из невинных режиссеров.

— Хотите, я вам расскажу старый случай из жизни нашего техника. Очень старый, двухлетней давности. Все у нас о нем знают, хотя официально этот «случай» и был назван сплетней. Собиралась экспедиция в далекий край, надо было набирать работников. Пришел режиссер и «по душам» поговорил с одной нашей гиковой. Она будет единственной женщиной в экспедиции, ей придется «обслуживать» мужской персонал, только на этих условиях они могут ее забрать с собой. Девушка отказалась. Но другая из наших, находившаяся в очень тяжелых материальных условиях и содержавшая большую мать, согласилась. Все об этом знают, но все будут отрицать, что знают, а сама жертва будет меня ругать за то, что я разбудила «жуткое, пережитое», но мне все-таки хочется, чтобы это как-нибудь, где-нибудь было зафиксировано. Не все знают, какие бывают режиссеры...

Потом я говорил с одним из студентов режиссерского отделения о нравах режиссеров и вообще. Парень разошелся. Он начал говорить о кино с апломбом дилланта. Он швырялся цитатами и поговорками.

В лаборатории ГТК

Собралось вокруг несколько человек, они умеряли его пыл робкими взглядами: как видно, парень их так «заговаривает» часто.

Когда разговор зашел о роли женщины в кино, о трудностях выдвижения, о режиссерах, которые не прочь...—он улыбнулся и сказал:

— У нас в ГТК все благополучно, но в Посредрабисе, там, понятно, стоит только режиссеру мигнуть—и все актрисы к его услугам.

Когда одна из присутствующих у него спросила:

— Ну, а как ты будешь делать?

Он ответил успокоительно и убедительно:

— Я скоро женюсь, чтобы не было нареканий.

Кроме того этот кандидат в режиссеры сказал:

— Мое мнение такое: женщина не может быть режиссером, потому что это очень ответственная работа:

Я ему возразил:

— Мы видим женщину инженера, профессора, полпреда, организатора, управляющего хозяйством целой области, почему же она режиссером быть не может?

— Я так думаю. Мы женщин называем «кружевницами», они умеют делать только тонкие, изящные монтажи.

Заволновались две девушки-комсомолки. Я тоже был очень смущен, услышав такое мнение о женщине из уст молодого режиссера (кажется, даже комсомольца), который готовится перестроить кино. Подобный взгляд на женщину тянется от старой режиссуры, и он очень опасен, особенно для молодняка. Я не согласен и с тем, что этот молодой режиссер и вообще ценен для кино (как меня уверяли), — он очень болтлив.

На мой вопрос, знаком ли он с иностранной литературой о кино, он мне ответил:

— Я знаю три языка: русский, белорусский и немного еврейский.

Я ему заметил, что на последних двух языках, как мне кажется, нет особо ценной литературы о кино. Он слегка смутился.

Это тоже тип зараженного «самоуверенностью», которое надо сбить, пока не поздно. Комсомольская ячейка ГТК, от которой веет такой свежестью, должна нашему будущему красному режиссеру дать понять, что женщина — абсолютно равноценная на режиссерском посту фигура, что учиться надо очень много, что длинные дилетантские речи в первую очередь идут во вред самому оратору...

Радостное впечатление оставляют комсомолки. Видишь новую силу, — пришли пролетарки с производства с принципами фабричных работниц. Это не деклассированная барышня, которой нужно спастись от пустоты, это не «красивое личико», которое уговорили, что оно создано «специально для экрана». Нет, это идет класс завоевывать искусство. Идет твердо, уверенно, ясно сознавая трудность и сложность пути. Простота в разговоре, простота манеры. Жизнь жизнью, игра игрой. Здесь нет этой неприятной актерской фальши в повседневном быту. Эта актриса будет актрисой только на сцене, но в жизни она простой, хороший, крепкий товарищ. Она не внесет в свою семейную жизнь сценичную любовь и в общественные отношения актерскую манерность. Здесь пульс новой жизни, новой актрисы, нового экрана.

Надо сознаться, что обстановка, среди которой будут развиваться эти молодые силы, еще далеко не благоприятна, еще много хвостиков всюду торчат от старых традиций и закулис; но этот студенческий материал крепок, ржавчина не так легко его берет, этот материал со здоровой сердцевиной, и он будет органически сопротивляться «гнилому наследию», пока не сметет его с пути.

Больше трети слушателей ГТК — партийцы. Среди них многие, что называется, от станка и сохи, и эта группа должна переработать остальную массу. Но для этого нужно, чтобы вся студенческая общественность крепче связалась с ГТК, чтобы это не был изолированный художественный техникум, а техникум, крепко спаянный со всем нашим студенческим молодняком.

Необходимо также ГТК теснее связать с производством. В сущности, трудно найти еще одно учебное заведение, которое было бы так органически связано с производством, а вместе с тем мы слышим со всех сторон жалобы: наши кинопредприятия обращают слабое внимание на ГТК, не интересуются этой базой, которая подготавливает квалифицированных работников для кино. Гиковцев и вообще не охотно берут на работу. Мне передал один слушатель, что ГТК совершенно не связан с национальными киноорганизациями. Это бесспорная ошибка. ГТК живет слишком замкнуто. Не знаю, кто здесь виноват, но дело не в том, кто виноват, а в том, что надо раскататься, надо почаще напоминать в прессе об этом единственном учреждении в РСФСР, готовящем будущих киномастеров (актеров, режиссеров, операторов).

Может быть, имеет смысл открыть еще и отделение для сценаристов, чтобы сценарий не был, как теперь, монополией небольшой группы лиц так называемого сценарного синдиката, а чтобы подготавливался сценарист из рабкоровского и селькоровского молодняка, чтобы составление сценариев было не развлечением высококультурных спецов, а чтобы это литмонтажное мастерство стало достоянием многих. Надо добиться того, чтобы Совкино не было только благодетелем ГТК, отка-

зываютим в 4000 метрах пленки, а чтобы Совкино само было заинтересовано в учбе гиковцев.

Забыл отметить еще одно отрадное явление. Среди слушателей ГТК мы видим много нацменов. Татары, армяне, евреи, грузины, узбеки. Среди них талантливые актеры и режиссеры. В беседе со мной один заявил:

— Я разрабатываю план грандиозной картины, я хочу показать историю моего народа без искривлений и лжи наемных историков. Хочу показать весь пройденный путь,—жизнь, как она есть.

Он мне показал наброски сценария. Я был удивлен. Очень серьезная проработка. Чувствовалось, что этот человек овладел сильнейшим орудием—искусством разоблачать «историю».

На прощание один ученик-оператор мне сказал:

— Кино не умело служить церкви и аристократии. Кино—демократическое искусство. Оно пришло вместе с электричеством и радио. Кино не должно выдвигать «героев и звезд». «Массовый актер»—вот наш лозунг. «Жизнь масс»—вот наша тема.

НИКОЛАЙ ЮДИН

СТУДЕНЧЕСКАЯ ФИЛЬМА ДЫБОМ

Производство—Совкино. 1-я редакция постановки—Ю. Тарича. 2-я редакция перемонтажа—Х. Херсонского, оператор—В. Блюм, в главных ролях—И. Клюквин, И. Жуков, Н. Розенель, А. Войцик, Г. Кравченко и др.

Эта фильма, которая выпущена в свет под идеологически-многообещающим названием «Свой и чужие»,—имеет в прошлом поучительную историю: как в советском кинопроизводстве не следует работать художникам.

Почти два года назад (когда небезызвестное дело студента Коренкова всколыхнуло общественное мнение вокруг вопросов студенческого быта), родилась идея этой фильма... у сценариста т. Домбровского, в результате чего Совкино был принят к постановке острый по теме и по мощности сценарий «Дело Коренькова». «Затем чисто кинематографическим образом последний «обратился» в сценарий Ю. Тарича «Сор» и, будучи публично зачитан на комсомольском собрании, провалился с невероятным треском (за идеологическую невыдержанность и художественную тенденциозность: поскольку упор в данном варианте сценария был направлен на зарисовку только темных сторон студенческого быта). В силу означенных обстоятельств сценарий потом в самом срочном порядке трансформировался в «Отрыв» и спустя едва ли месяц—в постановку «Бархатная лапка», начатую работой вопреки отрицательному мнению комсомольской и студенческой обществности о сценарии втихомолку. Наконец, по выпуске из кинофабричного производства готового художественного продукта, сделанного таким странным путем, вполне естественно, он не получил одобрения Главреперткома, и отсюда закрутилась растянувшаяся почти на год «история» с перемонтажом «неудачной» фильма «в удовлетворительную», которая ныне завершилась выпуском на экраны (выпуском с гарантийной визой ГРК) художественного убою дка¹, именуемого «Свой и чужие» и должествующего сюжетом своим «изображать в кино житье-бытье советского современного студенчества».

Сама эта «история», рассказанная нами в довольно мягких тонах, конечно, достаточно полно характеризует качество в небывалых муках рожденного дитяти и аргументирует за жестокую оценку творчества подобного рода. Но... оказывается,

¹ Подлинные слова режиссера Ю. Тарича, отказавшегося на дискуссии в ЦС ОДСК от 24—IV—1928 г. от авторства на означенную фильму.

против всяких ожиданий и просто логики объективного суждения, что находятся в среде широкой нашей кинопублики такие товарищи, которые на личный вкус и на глазок судят о фильме (судят, не зная преступления и законов). В данном случае преступления небрежной художественной работы и законов марксистского анализа результатов таковой,—и именно они и расхваливают «Свои и чужие», что называется в пух и прах. Вот почему сейчас представляется необходимым написать исчерпывающую рецензию о настоящей фильме—в помощь некоторым добросердечным товарищам-кинозрителям, очарованным с налета фильмом лишь за то, что она является пока единственной и первой говорящей о студенчестве (эти товарищи, видимо, находят лучшим в фильме факт ее существования в море еще более бездарной Гарри-Пилевщины). Вот, собственно, против такой «оригинальной» точки зрения приходится нам спорить рецензией и противопоставлять странным трюкам «защитников» фильму стальную логику неоспоримых фактов, заключающихся в самой же фильме (которых, впрочем, близорукие оптимисты не хотят видеть или плохо видят).

Первое, что приходится нам подвергнуть критическому анализу в фильме «Свои и чужие», это ее содержание. Что мы здесь имеем? Нам с экрана рядом сценки показывается и рядом надписей рассказывается о некоем талантливом студенте химике Алексее Реброве, хорошо занимавшемся в вузе академической и общественной работой, а также нежно любившем свою подругу-товарища студентку Шуру, и как он случайно, под влиянием другого студента—есенинца по настроениям и коллег—и по общежитию,—Семена Хмурого, попал в нэпманскую семью в качестве нужного (для помощи по устройству в вуз одного из членов нэпманской семьи) знакомого, а здесь забыл ради прекрасных глаз нэпманши Ирочки все на свете. Таким путем, в конце концов, Алексей Ребров растратил на удовольствия с нэпманшей студенческие деньги, к которым он имел непосредственное отношение как работник кассы взаимопомощи, сделался преступником против коллектива, который все-таки единодушно, по предложению Шуры, выручил запутавшегося и по существу хорошего парня из беды, дав ему возможность вернуться к честной жизни. Это в сюжете фильма «Свои и чужие» и представляет так называемую главную линию интриги, которая развивается драматически бледно. Рядом с ней дана так называемая побочная линия интриги (двоеженство и развратничество, эгоизм и упадочность поэта Семена Хмурого, которого коллектив студентов изгоняет из общежития), которая слишком часто невпопад сбивает основную интригу и сама по себе делает ненужную оттяжку внимания зрителя. Однако то и другое драматическое направление в сюжете фильма предъявляется зрителю менее убедительно, чем на словесном нашем изложении, так как между оформляющими мысль сюжета надписями и выражающими процесс течения интриги сценками—лежит громадная пропасть. Ибо сценки, поставленные сначала для сюжета «Бархатной лапки», изображали собой не те по смыслу игровые моменты, которые пытаются им придать монтаж сюжета «Свои и чужие». Даже наоборот, в исполненных по старому сюжету сценках все время ощущается зрителем полный разрыв с новым сюжетом и, как курьез, можно указать на ряд моментов, «вклеенных» в новый сюжет из старого, грубо механически, хотя монтажно более или менее грамотно (по старому—Семен Хмурый пишет стихи и жалуется жене на невозможность творчества в условиях общежития, а по новому—этот момент выдается за подготовку его к зачетам? и т. д. и т. п.), столь акробатически эффектным, но творчески недобросовестным приемом—из сюжета фильма вытраиваются характеристики всех почти героев, а взамен им на первый план выводятся другие. Отсюда неизбежно возникает ряд провалов в сюжете, восполняемых «идеологически приличными» надписями; зритель недоуменно может задать в любое время каверзный вопрос: какие чары нэпманши Ирины соблазнили 100% пролетстуда Алексея (ибо этого не было показано, а об этом лишь писалось?). Мог ли член кассы взаимопомощи Алексей проташить нэпманчика через приемную комиссию в вуз? Куда делась вторая жена, и откуда явилась первая жена Семена?

За что Шура полюбила Алексея? И т. д. и т. п. Это ряд вполне справедливых вопросов, которые может родить «неладно скроенный, но крепко сшитый» сюжет фильма «Свои и чужие», сделанный за счет ловкости монтажных ножниц или пресса и довольно нагло обманывающий ненаблюдательного зрителя.

Точно такими же кинофокусами насыщена вся фильма в отношении бытовых деталей, иногда просто оттушеванных из центра внимания и часто агитационно-плакатно приукрашивающих действительность. Таковы почти все сценки в общежитии, в лаборатории, в спортзале и пр. Правда, они схематически документируют быт студенчества, но художественно они скользят по поверхности и слишком часто рикошетом отскакивают от реализма.

Поэтому, как в образцовой буржуазной фильме,—быт тут дается в роли фона и не более; а главное представляет интрига, вообще довольно убогая и неубедительная. «Свои и чужие», уйдя от определенной творческой тенденции «Бархатной лапки» (показать красного студента, запутавшегося в белоснежных панталонах нэпмани и наделавшего глупостей в классовом отношении), не приобрели взамен определенной меры вещей и смазали краски бытовой драмы. Это сказывается во всем, на каждом шагу и воспринимается как неизбежная фальшь «художественно-общественной» фильма (есть и такие). Звучит диссонансом в отдельных сюжетно важных эпизодах: непоказанного самоубийства второй жены Семена, о котором лишь упоминается мимоходом надписью (а этот-то эпизод и дал толчок к последующему «изгнанию» студентами своего падшего товарища из общежития).

В качестве резюме сюжета фильма «Свои и чужие», тем не менее, приходится привести другие слова: фильма может неопытного и непосвященного зрителя привести в раж, как ловко проделанный кинофокус приукрашивания язв и ран студенческого быта красивыми рубицами «психологического» сюжета на любопытном материале любовной интриги. Это «плюс» и минус фильма, обращаться с которыми надо осторожно.

Теперь несколько слов о людях, выведенных в сюжете фильма. Кто они, есть ли такие среди студенчества? Приходится ответить отрицательно на сей вопрос, так как в плане социальной и психологической характеристики герои фильма даны мазком, намеком и неполно (все они—схема, а не живые люди; они—мужчины и женщины, в студенческих или нэпманских костюмах, проделывающие стандартные кинопоступки: любовь—преступление—раскаяние) при помощи трафаретных киноигровых средств (мимика—жест—монтаж движения). Все они, какие-то условно-классовые слизняки, трансформированные по прихоти авторов фильма в обзорах «своих (добрых) и «чужих» (злых),—не действенных по существу (нет борьбы «сил добрых и злых»).

А в целом, все они—персонажи шаблонного киносюжета, насажденного на бытовые декорации, плохо нарисованные «с натуры».

Л. ПОЛЬСКИЙ

В ПОХОД НА СОВКИНО И ГЛАВПРОФОБР

(Диспут о кинофикации в Ленинграде)

Кампания, поднятая журналом за кинофикацию высшей школы, нашла свой отклик и в среде ленинградского студенчества. Недавно организованный по инициативе редакции журнала и областного бюро Пролетстуда диспут о кинофикации вузов, рабфаков и техникумов всколыхнул общественное мнение студентов Ленинграда.

Диспут о кинофикации был проведен 17 апреля в помещении рабфака ЛГУ. Этот рабфак, между прочим, является первым и чуть ли не единственным в СССР,

где кинофикация преподавания уже вошла как определенная система в учебные планы.

На диспут были приглашены все ректора и проректора вузов, заведующие рабфаками и техникумами, студенческий актив, представители ряда общественных организаций, в том числе и представители Совкино. Последние, впрочем, на диспут не сочли нужным явиться.

Аудитории вначале были показаны фильмы: «Роль трактора в заводском хозяйстве», «Испытание материалов», «Механика головного мозга». Первые две имеют чисто технический уклон и с большой пользой могут быть применены в наших индустриальных технических вузах в качестве иллюстрации к отдельным специальным курсам. «Механика головного мозга» — одна из лучших наших культурфильмов. Снималась она в лабораториях академика Павлова под руководством авторитетных научных работников и под режиссерством Пудовкина. Опыт этой фильма лучше всего говорит о той высокой ценности и полезности, которые могут и должны иметь научные фильмы в высшей школе, если только... на них отпускаются достаточные средства и руководство постановкой поручается опытным рукам. В результате замечательное техническое оформление, четкость и продуманность всех деталей ставят «Механику головного мозга» в один ряд с лучшими фильмами, от показа которых студент в своей учебной работе может почерпнуть многое. Освещен ясно и определено один из труднейших вопросов, вскрывающий сложную механику поведения человека. Большое значение в этой фильме имеет мастерски выполненная мультипликация и отчетливое, короткое, крепко врезающееся определение, подводщее итог всему сказанному.

На этой фильме лишний раз убеждаешься в той колоссальной роли, которую может сыграть кино во всей системе преподавания нашей высшей школы. Если таких фильмов будет больше, дело кинофикации наших вузов будет на верных рельсах.

Так в чем же дело? Почему мало таких фильмов? Почему до сих пор проблема кинофикации высшей школы упорно скрывалась на задворках и не привлекала внимания широкой советской общественности?

Этими вопросами и занялся начавшийся после просмотра научных фильмов диспут.

Открывая диспут, приехавший из Москвы т. Арутюнян сообщил собравшимся о том, что на страницах журнала уже давно ведется обсуждение вопроса о кинофикации преподавания в наших учебных заведениях. В наших условиях вопрос этот совершенно новый, несмотря на то, что за границей кинофикация преподавания уже получила широкое распространение. У нас уже есть единичные случаи кинофикации, — например на рабфаке ЛГУ, Владимирском рабфаке и еще кое-где, но эта инициатива отдельных учебных заведений только показывает, что вопрос действительно назрел.

Сейчас, в связи с директивной задачей партии — дать стране высококвалифицированного, культурного специалиста, — проблема кинофикации приобретает особенно большое значение. В этом направлении редакция журнала начинает проводить широкую кампанию среди студенчества и профессуры. До сих пор наши киноорганизации сквозь пальцы смотрят на дело кинофикации учебы студенчества. На запрос редакции правление Совкино в лице т. Шведчикова ответило студенчеству вразумительно и кратко: «Кинофикация вузов относится к компетенции Наркомпроса, куда вам и надлежит обратиться». Совкино кивает на Главпрофобр, а Главпрофобр просто не счел нужным ответить на запрос редакции. Некогда, дескать, такими мелочами заниматься.

В Гааге, — сообщил дальше т. Арутюнян, — в скором времени созывается всемирный конгресс, на который получил приглашение и наш Наркомпрос. Интересно, с чем мы там выступим, если до сих пор вопрос о кинофикации вузов даже не ставился на обсуждение ни Главпрофобра, ни Наркомпроса.

Между тем многое в отношении кинофикации вузов можно было бы сделать и теперь, при наших малых средствах.

Вопервых, надо наладить производство научных фильмов. Трудно ответить, на кого рассчитаны научно-учебные фильмы, выпускаемые теперь Совкино, так как оно производит их без установки на определенного зрителя. В то же время съемка научных фильмов не так дорога, как это думают. Один метр «науки» обходится в 3 рубля, тогда как 1 метр «искусства» около 150 рублей.

Второе—импорт учебных фильмов из-за границы. Вопрос этот можно разрешить теперь же, не откладывая его в долгий ящик. Говорят—валюта. Однако можно было бы использовать часть средств, которые уходят на приобретение «художественной» кинохалтуры. Отдельные вузы самостоятельно выдвигают вопрос о ввозе заграничных учебных фильмов. Из письма в редакцию замректора с.-х. академии в Горках мы узнаем, что правление этой академии обратилось в родственные вузы с предложением совместно выписать из Германии фильмы для использования в преподавании отдельных дисциплин.

Надо теперь же мобилизовать широкую студенческую общественность вокруг этого вопроса. Необходимо тараном широкой студенческой общественности пробить бюрократические стены аппарата Совкино и Главпрофобра. Кинофикация высшей школы должна быть с будущего учебного года практически осуществлена в наших учебных заведениях.

Тов. Арутинян после информации о положении дел с кинофикацией вузов обратился к аудитории с вопросом,—стоящее ли это дело? Нужна ли нам кинофикация?

На это ему ответили аплодисменты.

Один из профессоров затем также поделился своими соображениями насчет кинофикации преподавания. В деле преподавания надо различать показ и рассказ. Наибольший эффект получается в результате комплекса живого слова и показа. Это бесспорно. И раньше и сейчас в наших вузах были и есть в большом ходу проекционные фонари, эпидиоскопы и т. п. Благодаря им в значительной мере оживляется преподавание. Но все это по существу—кустарничество, самодеятельность. Теперь в наших вузах незачем и нельзя заниматься мертвой схоластикой. Необходимо влить живую струю в систему нашего преподавания. Роль эту должно сыграть в наших условиях кино, и только кино. Первый шаг к кинофикации—это снабжение каждого учебного заведения—будь это вуз, техникум или рабфак—киноустановкой. Наличие киноустановки—непременнейшее условие кинофикации. Поэтому надо добиться, чтобы по смете учебных заведений на это дело были отпущены необходимые средства. В смысле снабжения наших вузов научно-учебными фильмами хорошо было бы завязать сношения с заграничной высшей школой. Этим самым будет значительно облегчен вопрос со средствами на приобретение и закупку научных фильмов.

Вслед затем т. Кочерин (зав. рабфаком ЛГУ) рассказал об единственном в Ленинграде опыте кинофикации преподавания—у него на рабфаке.

В прошлом году с трудом достали средства, собрали деньги буквально по крохам. Оборудовали научное кино. Зато имели большие неприятности. Находбучку и выговор от финконтроля. Оказывается, кинофицировать не имели права.

Сейчас на рабфаке научные фильмы используются при прохождении целого ряда курсов по биологии, русскому языку, географии и т. п. Кино теперь пустило глубокие корни на рабфаке. Годовой опыт говорит о том, что использование кино оправдало себя с большой лихвой—повысилась усвояемость, облегчилось прохождение преподаваемых предметов.

Кино должно завоевать прочное и должное место в системе нашего преподавания.

Тов. Кисленко (Путейский институт) считает, что не стоит даже доказывать, что для технических вузов кинофикация необходима и обязательна. Об

этом сами по себе уже говорят положительные ее результаты—облегчение усвоения дисциплины, снижение академической нагрузки и т. д.

Кроме того, ведь очень многие вещи, в особенности это относится к техническим вузам, чрезвычайно трудно представить без конкретных образов. Вот тут-то на помощь студенту и должно прийти кино.

Какие же трудности всплывают в вопросе о кинофикации? Прежде всего, конечно, это средства. Второе—это руководство и умелая съемка нужных нам фильм.

В качестве примера т. К и с л е н к о приводит такой факт. В Путейский институт недавно поступило 30 снимков, заснятых на Путиловском заводе, иллюстрирующих разборку парового котла, и одновременно с этим 6 снимков на ту же тему, сделанных в Германии. Характерно, что эти 6 снимков дают более полное и цельное представление о разборке парового котла, нежели 30 наших снимков. Так что многое еще зависит от того, как заснять, как подать научно-учебный материал. Поэтому-то вопрос о кинофикации вузов упирается еще в такой важный момент: есть ли у нас достаточно культурных кинороботников, могущих провести работу по съемке? Нужно учитывать и то, что от картин, плохо и неумело заснятых, не будет ни толку, ни пользы.

От Ленинградского областного бюро Пролетстуда говорил т. К о з ь м и н, считающий, что среди студенчества в вопросе о кинофикации двух мнений быть не может. Ясно и очевидно, что кинофикация нужна. Теперешний показ нас удовлетворить не может. Сейчас Совкино имеет около 240 учебных фильм, по качеству их недостаточно высоко. Надо улучшить это дело.

Теперь, когда с нас много спрашивается, когда нашим вузам предъявлено требование дать специалиста, стоящего на уровне современных знаний, мы вправе потребовать от Совкино исполнения своего заказа на научные фильмы.

Вместе с этим не мешает установить связь с заграничными хозяйственными фирмами и организациями. Есть возможность использовать выпускаемые ими рекламные фильмы для своих учебных целей. По таким фильмам можно судить о технических достижениях капиталистического хозяйства, иметь представление о технике сегодняшнего дня капитализма.

Вокруг кинофикации должно быть организовано мнение студенчества Ленинграда. Только при условии кинофикации наши вузы смогут дать хорошего, нужного нам специалиста.

Тов. Т ю т и н а (Педагогический институт им. Герцена) вносит предложение, чтобы теперь, когда будут отпусаться средства на ремонт вузов, обязательно добиваться по линии Главпрофобра отпуска средств на киноустановки. Задача центральных студенческих организаций—протокнуть этот вопрос в Главпрофобр, с тем чтобы к новому учебному году были уже выделены для этого определенные средства за счет учебного оборудования вузов.

Характерно выступление т. С е к и р д и н а (рабфак ЛГУ).

— Обезьяну живую я видел один раз в жизни, и это—живя в Ленинграде. Что же сказать о провинциальных студентах? Учишь у себя на рабфаке и про Рону, и про Миссисипи, и про тропическую флору и фауну, а как все это выглядит,—понятия не имеешь. Мы, студенты, говорим: даешь кино, и конечно!

Это энергичное восклицание—самый краткий и выразительный выход из всего диспута. Диспут показал, что ленинградское студенчество и профессура считают вопрос о необходимости кинофикации высшей школы непреложной истиной, аксиомой.

Дело теперь за реальным оформлением и практическим осуществлением кинофикации вузов, рабфактов и техникумов.

Кинофикация вузов—таков боевой лозунг сегодняшнего дня.

Ленинград

КОМЕДЖИ при УНИВЕРСИТЕТАХ

Зарубежные университеты, основанные в начале средних веков (XI и XII века) разными духовными организациями и имевшие целью поставлять «образованных советников» невежественным королям той эпохи,—вплоть до настоящего времени сохранили свои специфические черты.

Больше всего и прежде всего это отразилось на жизни и быте зарубежного студенчества. В то время как требования времени, движение науки вперед сдвинули с мертвой точки узкую программу первых «духовных» университетов, народили новые факультеты, вызвали умственный рост студенчества и отход его от религии,—бытовые условия продолжали ретиво охраняться рядом поколений студентов.

Причины этого?

Главным образом причины, конечно, в том, что контингент зарубежного студенчества в значительной мере—аристократия или денежная буржуазия. Напыщенные и чванные юноши этих классов стремились удержать древние «традиции», дававшие им возможность выделяться из толпы, быть «не как все»...

Особенно «устойчивыми» оказались в этом отношении английские и германские университеты. Главные английские университеты—Оксфордский и Кембриджский—и доныне сохранили свое подразделение на ряд колледжей или обществ, к которым прикреплены руководители и профессора. В зависимости от социального положения студент попадает в тот или иной, более или менее богатый и фешенебельный, колледж. Лица «низших» сословий доступа в эти привилегированные расадники знаний совершенно не имеют.

Каждый колледж 1-го разряда являет собой обособленную в территориальном отношении единицу, где студенты живут в прекрасно обставленных квартирах; обедают, ужинают они в клубе, посещают лекции без особого рвения, имеют свои автомобили, а многие—яхты.

2-й разряд включает хоть и знатных, но бедных студентов; их общежития поскромнее: вместо квартир—комнаты, менее роскошный клуб и т. д.

Для прочих сословий имеются обычного типа университеты, из которых наиболее популярными являются Лондонский и Дергемский.

В Германии университеты до сих пор в большинстве случаев сохранили деление на «корпорации»—тоже по классовому признаку.

Студенчество во многих странах сохранило древние традиционные черты «буршей»—т. е. главенство старших курсов над младшими, хвастовство попойками, кутежами, «дуэлями» и т. д.

Лишь незначительное количество студентов выходит из необеспеченных слоев, ибо вся университетская дисциплина направлена к тому, чтобы связать студента, не давая ему возможности одновременно и учиться и зарабатывать свой хлеб.

Студенты живут в общежитиях, где царит строгая казарменная дисциплина, и впоследствии они принуждены в течение значительного срока принудительно, а не по выбору, отбывать свою стипендию. Жизнь в общежитиях уныла, размерена и скудна. Кормят очень скудно, нагружают мелкой работой технического характера—переписка, репетирование в школах и т. д.

Американские университеты подходят по духу и устройству к двум первым типам, но в подразделении они пошли еще дальше, ибо создали две разные программы для университетов богачей и бедняков.

Первые учатся в «юниверсити», т. е. проходят курс в полном объеме, живут в прекрасных условиях, обогнав в этом отношении даже оксфордцев, ибо, довольствуясь квартирой, многие имеют роскошные особняки-виллы, держат целый штат прислуг и являют собой высшее ядро общества.

Вторые же попадают в «колледж» где программа уже и меньше, и специализируются в узкой области избранной отрасли науки; живут они в общежитиях, по два человека в скромно обставленной и плохо отапливаемой в зимнее время комнатке; вся уборка не только комнаты, но и всего дома—коридоров, уборных, столовых и т. д.—распределена по дежурствам между студентами. Стирку своего белья они также производят сами, уход за садом и огородом лежит на них же.

И, несмотря на весь этот затрачиваемый ими труд, они платят за учебу и содержание еще 25—50 долларов в месяц. Лишь незначительное количество студентов избавлено от платы, ибо миллиардеры-«филантропы» вносят сотни тысяч долларов на цели крупного масштаба,—основание нового ун-та своего имени, пожертвование библиотеки или прекрасно оборудованной лаборатории,—но в редких случаях снисходят они до основания стипендии для бедняков.

Кормят во второсортных общежитиях очень плохо, и студенты, не имеющие поддержки от семьи, хронически голодают. Режим—казарменный, т. е. студенты и студентки обязаны не отлучаться из общежитий без пропуска, а эти последние выдаются лишь накануне праздничных дней. Таким образом «рабочая сила» колледжа не тратит попусту своих сил, а целесообразно, с выгодой для учреждения, использует их для нужд его.

Франция почти не имеет общежитий. Студенчество неорганизовано, расплывлено, живет на частных квартирах, но тяжелые условия жизни мало кому дают возможность продолжать свое образование в ун-те. Большинство удовлетворяется средней школой и специальными профкурсами, а ничтожное меньшинство из богатого и среднего класса пополняет кадры студенчества. Для бедняков остается

В комнате для занятий при Дергемском университете

еще один выход: поступить в высшие военные школы: инженерную или политехническую и морскую.

Более демократичны ун-ты Скандинавии, но их мало. Так, Швеция имеет всего два ун-та, а Дания и Норвегия насчитывают по одному.

Ун-ты Испании и Италии построены по образцу американских, т. е. разделяются на полные и неполные.

Материал о быте студенчества в колледжах у нас очень скуден. Но в общем повсеместно за рубежом в студенческом быту наблюдается одна и та же линия: в огромном большинстве случаев наука в полном объеме и возможность учиться составляют привилегию богатого или знатного класса. Бедняка же, если не прямо, то косвенно, рядом «запретительных и охранительных» мер и препятствий, отесняют обратно—к станку или плугу.

Конечно, ряды молодежи пробиваются чрез эти заграждения капиталистической охраны, но годы учобы выматывают силу, надламывают здоровье или закабалиют—в случае получения стипендии—на долгие годы казенной работы.

Комната-читальня для студентов Лейпцигского университета

Н. БУЛАТОВ-СТАМБУЛЬСКИЙ

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ РЕФОРМА В ТУРЦИИ

С наступлением республиканской эры раскрепощение турецкой жизни пошло быстрым темпом и не могло не отразиться на положении турецкой науки, влачившей жалкое существование в эпоху султаната. Университетская жизнь¹ подвергается радикальной ломке. Турецкая наука вступает на путь более близкого и тесного общения с западно-европейским и советским ученым миром. Многие кафедры замещаются иностранными профессорами. Сейчас на юридическом факультете читают лекции французские профессора Г. Риоль и Г. Жан Жозе, швейцарец Сюзерхоль, один из творцов нового гражданского кодекса в Турции и др. На других факультетах, особенно на медицинском, имеются тоже профессора, приглашенные из-за границы. В Стамбуле открыт турецкий археологический институт во главе с известным французским археологом Альбером Габриэлем. Временами наезжает советский ака-

¹ Единственная высшая школа в Турции — университет в Константинополе.

демик ориенталист Бартольд для чтений лекций по истории тюркских народов и руководства тюркологическим кабинетом университета.

В прошлом году б. ректор университета, ныне депутат Нуреддин-Бей, посетил главнейшие научные центры Европы и собрал богатый материал для предстоящих университетских реформ. Известно также, что нынешний ректор доктор медицины Омер-Нишат-Бей по возвращении из Москвы после октябрьских торжеств представил министерству просвещения и здравоохранения особую записку насчет постановления высшего образования в СССР. Перед этим посетили летом Москву, по поручению министерства, инспектора Нафи Утуфи-Бей и Ридван-Бей с целью изучения вопросов просвещения и школьного дела. Другие инспектора с теми же заданиями были в Германии и во Франции.

В общем в распоряжении министерства просвещения накопился достаточный материал, давший возможность внести новую струю в университетскую жизнь и провести ряд нужных в данный момент преобразований.

В беседе с представителем печати ректор университета Омер-Нишат-Бей так охарактеризовал основные задачи предстоящей реформы:

«Новый университетский статут построен на трех принципах: 1. Национальная культура. 2. Прогресс науки. 3. Подготовка либеральных профессий. Задача национального университета состоит в том, чтобы обеспечить в его стенах развитие национального чувства и изучение своей страны. До сих пор на это, к сожалению, мало обращалось внимания».

По новому уставу все профессора считаются прикрепленными к университету без права иметь какое-либо побочное занятие на стороне вне университетских стен. В связи с этим месячное содержание профессоров повышается до 500 тур. бум. лир (около 500 руб.). Лица, несогласные с таким порядком, должны будут оставить занимаемую кафедру. На этой почве, как теперь уже отмечает турецкая печать, предвидятся недоразумения между администрацией университета и профессурой, так как бюджет может оказаться недостаточным для возмещения максимального содержания профессорам. Звание «мудерис» (преподаватель) упраздняется и заменяется словом «профессор». Академическое преподавание будет вестись по самой широкой программе, разработанной по масштабу европейских университетов. Некоторые кафедры подлежат упразднению и заменяются новыми в согласии с последними требованиями европейской науки. Пустующие кафедры по наиболее важным научным дисциплинам замещаются иностранными профессорами. Теологический факультет сливается с историко-филологическим.

Новый статут предусматривает отправку больших партий турецких студентов за границу для усовершенствования в науках, для каковой цели будет использован широкий кредит, намеченный в бюджете. Предполагается в первую очередь направить за границу 500 студентов. В настоящее время, насколько известно, за счет министерства просвещения обучается в европейских высших школах 50 турецких студентов.

В Константинополе и Ангоре будут устроены студенческие общежития. В Латинском квартале Парижа, где проживает довольно значительная колония студенчества, предполагается создать на казенные средства турецкий уголок под турецким флагом (общежитие, библиотека, читальня, кафе-столовая и т. п.).

Судя по отзывам турецкой печати, новая реформа рассматривает университет как высший рассадник национальной культуры, призванный культивировать свою собственную турецкую науку и подготовить нужных для страны культурно-общественных деятелей в духе национальных идеалов. Тенденция полностью европеизовать турецкий храм науки и превратить таковой в культурно национальную базу для подготовки сознательных работников республики обслуживает серьезного внимания. Нет сомнения, что задуманные преобразования в области высшего образования сыграют свою огромную роль в общем процессе возрождения национально-буржуазной Турции.

ПОПОВ-СЕВЕРЯК

В ГОЛУБЫХ ГОРАХ

Путь дальний: Москва—Новосибирск—Бийск. После четырех тысяч верст Алтай—«страна голубых гор».

За месяцы скитаний по лесным тропам нельзя не полюбить пенящихся горных рек, ручьев и водопадов, немую, обросшую пихтами и кедрами, вечно шумящую чернь¹ и обрывистые горные бомы², где бонься нагнуться и взглянуть на быстрый горный поток. В прозрачной сини за сотню верст в солнечных лучах играют белки³. На горных высотах от тающих ледников застыли в прозрачном хрустале горные озера.

Все это окутано прозрачной, дрожащей синеватой дымкой, дающей голубую окраску, присущую только Алтаю. Даже камни в горных ручьях кажутся голубыми.

За снежными перевалами в берестяных шалашах живут алтайцы—наши «индейцы». Полукочевники-скотоводы, они сохранили такую первобытность, какую трудно представить культурному жителю большого города.

Они часто спрашивают меня:

— Где твой аил?

— Москва.

В дальнейшем разговоре я никак не мог объяснить им, как в одном московском «аиле» могут жить по тысяче человек и больше.

Когда из Москвы попадаешь в дымный берестяной шалаш алтайца, то город кажется сказкой, а теперь здесь шалаш и вся жизнь алтайца снова кажутся сказкой.

Алтаец занимается скотоводством и охотой. Но скот, жиреющий на хороших лугах летом, зимой живет на подножном корму, выгребая из-под снежной корки тощую прелую траву. В те годы, когда во время весенних талиц образуется ледяная корка, скот целыми табунами гибнет от бескормицы. Нередко бывают случаи, когда весной вороны заклеивают живых лишадей, не могущих от истощения подняться с земли. От такого ведения хозяйства скот мелок, лошади слабосильны, хотя очень приспособлены для горных поездок.

Осенью алтайцы на лошадях уезжают в глубь черни. Ленивый в своей жизни, алтаец на охоте перерождается и целыми сутками неутомимо гоняется на лыжах за зверем. В погоне в трудных горных условиях охотники пробегают по сотне километров в день, а за сезон охоты в два-три месяца пройденное пространство нужно измерять тысячами километров. Лучший «рекордсмен»-лыжник, поставленный вместе с алтайским охотником, сдает в выносливости и ловкости бега в горно-лесных трущобах. Охотятся главным образом на белку, но бьют всяких зверей: лисицу, куницу, медведя, норку, выдру и кое-где сохранившегося соболя. Особый вид охоты составляет охота на марала (вид благородного оленя). Охотятся на него

¹ Чернь — местное название лесов,

² Бом — уступ на горе, где проходит тропа.

³ Белок — вершина горы, покрытая снегом.

главным образом весной. Маральи рога продаются в Китай, где из них делается какое-то ценное лекарство.

Теперь многие из алтайцев уже перешли на оседлость и ведут сельское хозяйство, сеют пшеницу и заготавливают на зиму для скота сено. Переходя от кочевой жизни к оседлости, алтайцы строят избы, но рядом с избой строят аил, в котором больше и живут.

Очень интересны верования алтайцев. Они обоготворяют всю окружающую природу. Горы, реки, озера, ущелья, леса—это все боги. К серии семейных богов причисляются также умершие родственники. Все боги разделяются на добрых и злых; глава добрых духов—Ульгень, в воображении алтайца живет выше месяца и солнца в золотом дворце (орго), а злой дух—Эрлик—живет под землей, на острове жидкой глины, омываемом девятью реками из человеческих слез. Все беды, несчастья и болезни—это наказания злых духов. Тело человека поделено между несколькими богами; при болезни уха нужно обращаться к одному богу, при болезни левой ноги—к другому, при болезни правой—к третьему. Избавиться от болезни можно при помощи выкупа (толу), путем приношения жертвы.—В жертву приносят первые удои молока арака или даже умерщвляют какое-нибудь животное.

Все это сопровождается обрядом—камланием. Обряд совершает шаман, или, по местному названию, кам. Ночью при свете пылающего смолья, в шубе из оленьего меха, в шапке, унизанной ленточками, бубенчиками, разными железками и хвостиками зверей, шаман приносит жертву богам. Он с первыми звуками бубна воображает себя летящим к богу.

Во время «путешествия к богам», он свистит и ревет на всех голосах животного и птичьего мира.

„Камлание“

Когда в жертву приносят животных, обычно начинают с овец, и если бог не довольствуется этим, то переходят к рогатому скоту и наконец к лошадям. Хотя теперь это бывает редко и алтайцы больше приносят бескровные жертвы. «Арачкой Эрлика напоит»,—так смеясь говорил про жертвы мне комсомолец-алтаец. Умерщвление животных совершается самым варварским способом. Овец живьем раздирают за ноги, а лошадям забрасывают на спину тонкое бревно, силой навалившихся на концы людей ломают хребет и привязанными к ногам веревками растаскивают животное в разные стороны. Мясо животных съедается во время пиршества, а шкура вывешивается на священных березах.

Первобытность алтайца проявляется также в одежде и пище. Они почти не знают печеного хлеба, а питаются главным образом сырчиками, мясом, чегэнем, кумысом, толканом. Последнее представляет нечто вроде своеобразного какао. В котле кипятится вода с молоком, туда добавляется мука, чай, сметана и горсточка соли. Эта питательная похлебка пьется в невероятном количестве.

Алтайцам, жителям такой «допотопной эры», каким-то невероятным чудом кажутся кинокартины, показываемые кочующим агитатором из Улалинского райкома.

Для меня были чудом те алтайские рабфаковцы и вузовцы, которые спорили со мной о мировой политике, о мировом хозяйстве, об индустриализации и электрификации страны.

Один из них мне говорил.

— Вот тебе покажется смешным, да, пожалуй, и мне смешно, но я иногда целые ночи в совпартшколе про себя в одеяло старался выговорить правильно по-

русски фразы. Особенно тяжело было с местоимениями, все получалось наоборот: «мой школа», «моя карандаш» и «мое ручка».

Конечно, такому туристу, который рассчитывает на максимум удобств, лучше в Алтай не ездить. Ночевать приходится в деревнях или в айлах у алтайцев, или же в горах, у огонька под кедрами. При путешествии группой лучше всего иметь палаточку. Недурно также иметь легонькие одеяла. Мне все это заменяла моя старая кожанка.

Котелком и чайником служила моя большая кружка, в которой я кипятил и жарил. Кроме кожанки, незаменимой во время путешествий, была простынка, пара белья, две пары носков и фуфайка для ночевки под открытым небом. Путешествие может быть совершенно двумя способами—верхом или пешком, а лучше всего комбинировать эти два способа передвижения. Для небольшой студенческой группы неплохо купить лошадь, на которую можно погрузить весь несложный багаж и на которой можно попеременно отдыхать. Лошадь с седлом на Бийской конной площадке стоит от 60 до 80 руб. Лучше купить кобылицу, так как в пути алтайцы охотно соглашаются дать за нее хорошего коня. На обратном пути лошадь можно продать почти за ту же цену. Прокорм ничего не стоит, так как везде подножный корм.

Есть еще два преимущества путешествия по Алтаю. Это полная безопасность в пути и отсутствие всяких комаров, мошек и пр.

Пускаясь в это путешествие, нужно заранее взвесить все трудности и, решив поехать, постараться подобрать небольшую хорошую группу туристов.

Телецкое озеро. Вид из коридора Ажу на гору Купоросную и Корбу

А. ШКОЛЬНИКОВ

ГЕЛЕНДЖИК И САМОКРИТИКА

(О студенческом доме отдыха)

Кавказский дом отдыха Высшего художественно-технического института вступает в четвертый год своего существования.

Несмотря на внешний рост пропускной способности дома отдыха, начавшейся с 400 человек и дошедшей в прошлом году до 1 150 (в нынешний сезон предполагается пропустить 1 500 человек), приходится констатировать, что здесь количество еще не перешло в качество. Задержка из-за того, что каждый год повторяются одни и те же недостатки. Вскрывание и изживание последних возможно массовой (организованной) самокритикой.

Последнее же не было возможным, так как отчет на студенческом собрании не был поставлен. Основная ошибка, особенно завдома прошлого сезона, та, что отдых, поправка здоровья им понимается исключительно, как еда и использование лечебных сил природы, т. е. упор на чисто физические факторы, при игнорировании психологических. Это заметно было с первого же дня при размещении отдыхающих. Размещение производилось безалаберно, по казарменному принципу, не считаясь с тем, кто с кем попадет жить в одной комнате. Указываемый нами основной недостаток подтверждается еще теми обострениями, массовыми стычками, которые были между отдыхающими и завдомом чуть ли не во всех очередях. Все это показывает, что вполне спокойная обстановка, столь необходимая дому отдыха, отсутствует.

Другое больное место—это доктор. Не везет нам с врачом. Когда-то в земских больницах лечили так: выстраивают пришедших крестьян в один ряд, доктор обходит их быстро в сопровождении фельдшера (последний несет большую банку с иодом).

— У тебя что?

— Живот...

От живота даются всем одинаковые порошки, или, еще проще, касторка. Остальных мажут иодом.

Приблизительно так же лечили в Геленджике. К тому же квартиры врача и фельдшерицы находились за пределами дома отдыха. Был случай укуса скалапендры, и медперсонал нельзя было найти.

О ДИЕТИЧЕСКОМ СТОЛЕ

У нас есть товарищи с большими желудками, которым нельзя, например, есть мясо. В санаторию попасть могут пока только единицы. Не так уж трудно было бы устроить соответствующее питание для таких товарищей. А в прошлом году диетный стол заключался в том, что если, например, на второе всем каша с мясом, то нуждающимся в диетной пище просто давали ту же кашу, но без мяса. (Поистине соломониновское разрешение вопроса.) Нужно, чтобы по калорийности и витаминности диетный стол не уступал общему питанию. К месту сказать, вообще удивляет частая подача мяса в летнее время.

КУЛЬТРАБОТА

Культработа в доме отдыха понимается не так, как нужно. Здесь должно быть интересное и целесообразное заполнение свободного времени отдыхающих. Но беда в том, что сюда перенесли формы обычной вузовской культработы.

Обыкновенно начинается так. Сперва устраиваются самодеятельные вечера,

затем ребята исчерпывают свой репертуар, и начинается регулярное хождение к морю.

Но однообразное и бесцельное любование морем тягостно и быстро приедается, и тогда начинается «зеленая скука».

Не мешало бы культработникам южных домов отдыха (а он нужен) походить по подмосковным здравницам. В них можно получить массу интересного материала.

А. Ш.

СМОТР ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РАБОТЫ

В Москве установилась славная студенческая традиция. Перед концом учебного года несколько вечеров подряд посвящается смотру художественной работы вузов. В текущем году это событие развернулось в более широкую демонстрацию достижений, нежели в прошлом. Три вечера перед зрителем проходила длинная вереница оркестров, действенных коллективов, сольных выступлений и т. д.

Грандиозность смотра характеризуется еще и тем, что количество участников этого трехдневного концерта едва ли не достигает 250 человек. Конечно, эта цифра могла бы увеличиться во много раз, если бы кто-нибудь задумал просмотреть все московские студенческие художественные кружки. Однако это почти невозможное дело, ибо количество охваченных подобными кружками студентов в Москве очень велико. В смотре участвовали даже не все московские вузы и еще в меньшей доле рабфаки и техникумы.

Кто же участвовал в смотре?

1. ОРКЕСТРЫ

Их, пожалуй, больше всего прошло в эти три вечера—симфонические, духовые, струнные, домровые.

Симфонический оркестр I МГУ, играющий без дирижера, представляет довольно крупную музыкальную величину не только среди студенческих оркестров, но и вообще в музыкальном мире. Исполненные им «Кавказские мотивы» Ипполитова-Иванова и «Танец» Рубинштейна были прослушаны с исключительным вниманием и награждены вполне заслуженными аплодисментами. Но... (проклятое но!) после этих двух вещей вдруг ни с того ни с сего начался типичный джаз-банд. Странно звучала довольно музыкальная, но заигранная всеми кинооркестрами фокстротная «Семинола». Откуда-то появились свистушки, трещотка, флексантон, и первое впечатление от оркестра совершенно смазилось.

Духовой оркестр текстильного техникума—чрезвычайно интересный оркестр. Одно слово «техникум» говорит о материальных ограниченностях, об отсутствии помещения и т. д. Однако текстиля представили на смотр большой оркестр, хорошо выполнивший две довольно сложные вещи.

В качестве соперника текстильного техникума выступил оркестр МВТУ. Это—совсем хороший оркестр. Очевидно, ему пошло на пользу общественное порицание за прошлогодние халтурные выступления (на балах, танцульках и т. д.). Сейчас оркестр занялся серьезной работой над классическим репертуаром, и успехи налицо. Заметна в оркестре рука опытного дирижера.

Не плох струнный оркестр промышленно-экономического института им. Рыкова. Этот оркестр, как, впрочем, и большинство выступавших струнных оркестров, показал, что музкружки этого типа давно уже отошли от исполнения таких вещей, как «Светит месяц», «Выйду я на реченьку» и т. д. (Выступавший оркестр педтехникума, исполнивший исключительно народные песни, не имел успеха.) Классический репертуар все чаще появляется на пюпитрах студенческих музыкальных кружков.

Это же можно отнести к струнному оркестру I МГУ. Последний, правда, пользуется большими возможностями для работы и поэтому показал себя лучше некоторых своих соперников. Особенно хорошо звучал в исполнении этого оркестра «Гопак» Мусоргского.

С большим интересом было прослушано выступление крепко сколоченного оркестра МИИТ. Здесь видна крупная работа над оркестром, и сами оркестранты любовно выполняют свое дело.

В общем все студенческие оркестры показали себя с хорошей стороны.

2. ХОРЫ

Здесь дело обстоит несколько хуже. Это и понятно. В среде студенчества чрезвычайно трудно создать хороший хор. Частенько люди «с голосьями» бывают заняты в других местах, на других работах, и их арканом не затащить на кропотливую, тяжелую хоровую работу.

Кроме того чрезвычайно трудно подобрать хороший репертуар. Круг новых хороших вещей, с которыми могли бы справиться студенческие хоровые кружки, чаще всего имеющиеся в качестве руководителей таких же студентов без специальной подготовки, чрезвычайно ограничен. Что касается старых вещей, то они в большинстве уже запеты и надоели. Тут как нельзя лучше подходит фраза из одного романа: «Новых я песен совсем не пою, старые петь избегаю».

Однако и здесь есть достижения.

Хор промышленно-экономического техникума подкупал аудиторию несколькими хорошими голосами и довольно живым, нескудным репертуаром.

Есть достижения и у хорового кружка I МГУ, но от него можно требовать еще больше, так как из восьми тысяч студентов всегда можно выбрать хороших певцов для хора.

Неплох хор МИИТа. Аудитория очень тепло встретила его выступления.

Особо следует отметить два национальных хора—балканский и персидский.

Первый исключительно мужской, составленный из студентов Коммунистического университета Запада, исполнил несколько революционных песен на болгарском и юго-славском языках. Публика щедрыми аплодисментами наградила этот хор за его «Рабочий марш», «Песню труда» и «Рабочий привет». Хор этот совсем молодой, работает всего 8 месяцев и, надо полагать, что в будущем мы услышим от него больше, чем слышали в этот раз.

Персидский хор как нельзя лучше передал свои национальные заунывные мелодии. Несомлаемыми овациями публика приветствовала персидские пляски, которые исполнили хористы после пения.

3. ДЕЙСТВЕННЫЕ И ДРАМАТИЧЕСКИЕ КРУЖКИ

Здесь было все—от «Синей блузы» и кружков действенных и зрелищных до кружков чисто драматических.

Выступавшая «Синяя блуза» зоотехнического института с треском провалилась благодаря своей беспомощности, несыгранности и чрезвычайно устаревшим формам работы. Показанная ею оратория, посвященная десятилетию Красной армии, была настолько несерьезно сделана, что зритель вынужден был смеяться в самых серьезных и ответственных местах текста. Не лучше зоотехники показали свой быт.

Довольно холодно приняли и драмкружок МВТУ, показавший один из актов «На дне» М. Горького. Несмотря на высокую художественность пьесы и на большие данные у большинства исполнителей, это выступление не имело успеха.

Очевидно, старые формы зрелищной работы на клубной сцене совершенно не приемлемы.

Большой интерес вызвали главные соперники по зрелищной работе кружки I и II московских университетов.

I МГУ исполнил две вещицы: «Об оканчивающих», текст студентки Ледовской, и «Янки Дудль» Афонского. В первой рисуется отрицательное отношение окончивших к работе в деревне. Несколько шаржированный текст слишком мелко захватывает эту серьезную тему, и действеники I МГУ, несмотря на хорошие силы, не могли показать себя в этой первой постановке. «Янки Дудль» — скэтч, рисующий американское студенчество, с его увлечением спортом, фокстротом и выпивкой. Коллектив очень живо провел эту постановку. Но чересчур насыщенный фокстротом, джаз-бандом и прочими «разлагательными» элементами «Янки Дудль» произвел довольно неприятное впечатление. Студенты, исполняющие роли, конечно, ничуть неповинны в этом. Чувствуется, что если бы этот коллектив работал над лучшим материалом, ценность его постановок была бы неизмеримо выше.

Совсем подругому приняли зрители выступления кружка II МГУ. Кружковцы показали нечто вроде студенческой трилогии «Быт-учоба-клуб». Чрезвычайно метко схваченные смешные стороны в студенческой жизни, реально и выпукло представленные исполнителями, вызвали буквально восторг у зрителей. Однако следует отметить, что кружок слишком увлекся показом отрицательных моментов и не противопоставил этому ничего отрадного.

Надо заметить, что работают кружковцы II МГУ в скверных условиях. Клубу, который они юмористически показали в последней части «трилогии», средств никто не отпускал, и клуб даже не отапливали в холодные зимние дни работы кружков.

Сейчас этот кружок работает над новыми постановками, в которых отражаются и положительные стороны студенческого быта. Во всяком случае, кружок II МГУ нащупал прекрасные формы зрелищной работы, и состав его обещает многое.

Несколько обособленно выступали на смотре агрогазета Тимирязевской сельскохозяйственной академии и драмкружок узбекского рабфака.

Агрогазета, призванная обслуживать нашу деревню, включает в себя агитки об удобрениях, сепараторах, пропащих культурах и т. д. Эта так называемая производственная работа кружка чрезвычайно интересна сама по себе и безусловно полезна. Однако штамп любительщины на всей работе несколько удешевляет ее ценность. При условии применения более лучших форм газета может быть безукоризненной, тем более, что большинство ее участников имеет хорошие голоса, владеет дикцией и т. д.

Драмкружок узбекского рабфака показал пьесу «Курбаши Останкут». Сама по себе эта пьеса далеко не блестяща. Рисует она произвол басмачей, которых в конце концов «призывают к порядку» красные. Однако смотрится она с неослабевающим вниманием. Шутка ли, людям, плохо знающим русский язык, всего полгода учившимся на рабфаке в Москве (такие среди исполнителей есть) — играть в пьесе на русском языке? Некоторые исполнители обнаружили подкупающую непосредственность в обработке своих ролей. Пьеса дошла до нашего зрителя, и аудитория радушно приветствовала исполнителей и руководителя пьесы т. Лео Мирянина, являющегося и автором «Курбаши Останкут».

Как бы «вне конкурса» выступала студия сольного пения I МГУ. Студенты обладают хорошими голосами, но есть опасения, что они превратят студию в «фабрику домашних знаменитостей», по меткому выражению на диспуте т. Маршак, председателя культкомиссии МБПС. Отрадное впечатление произвел квартет этой студии (скрипки и виолончель).

Диспут после смотра вылился главным образом в обсуждение постановок действительных кружков I и II МГУ. Первые старались реабилитировать себя, но

безуспешно. Пальму первенства диспутанты отдали коллективу II университета.

В общем надо отметить неуклонный рост художественной работы студенчества. Сравнивая этот смотр с прошлогодним, нетрудно убедиться в том, что сделан очень крупный шаг вперед.

И. МИСЛАВСКИЙ

СТЕНЫ И ЛЮДИ

Спросите любого иркутского студента «мелкокурсника» о его затаенных мечтах, и он вам в числе других назовет мечту—попасть в общежитие № 3.

Немало жилищных анкет разнообразной формы и содержания заполнено, заявлений написано и горьких слов сказано во всех студенческих организациях по поводу приема в общежитие № 3, но... линия остается твердой: в общежитие № 3 поселяются лишь студенты старших курсов.

Первокурсники дерутся, как львы, но «Бастилия» нерушима.

Редкий студент, живущий в 3-м общежитии, не прошел горных высот 4-го или неблагодостоенности 2-го общежития. Они здесь называются «маринованными».

Какая же неведомая сила здесь действует? В чем же соль?

Единодушное мнение студенческой массы, студенческих организаций, хозяйства университета (а особенно, конечно, «страдающих и томящихся» студентов) таково, что общежитие № 3—лучшее и самое благоустроенное из всех пяти общежитий университета, да и, пожалуй, всех студенческих общежитий города.

В самом деле: чистое, светлое, теплое помещение, комнаты расположены по коридорной системе (когда-то здесь была гостиница). Электричество, водопровод и канализация действуют. Столы, табуретки и прочее техническое оборудование в достаточном количестве. Словом: «тепло, светло и мухи не кусают».

Комнаты небольшие (контраст с остальными общежитиями), для 2—4 человек. В расселение по комнатам «курсовой ценз» установлен и почти соблюдается.

Не жизнь, а малина...

Малина—хорошая вещь, но ядрышек много в ней, и каждое ядрышко формой своей и вкусом от другого отличается. Есть и гнилые ядра—червяки проедены... Так и комнаты в общежитии не все одинаковы. Всякие люди в них есть...

Закрывшись на ключ в своей берлоге и не отзываясь на яростный стук в дверь, сидит над книгой «академик», для которого ничего на свете не существует, кроме книг, аудитории и кабинетов. Это на наречии общежития «Бегемот».

А вот его противоположность: в своей комнате его никогда не застанешь, зато он обязательно сидит где-нибудь в чужой, «разговоры разговаривает», или просто дипломатично дожидается, когда ребята будут пить чай или закурят (тут уж наверняка и ему «отломится»).

8 часов утра. В коридорах тихо... Вдруг, проникая в каждую комнату и в уши заспанных жильцов, раздаётся всем знакомый до мельчайшей звуковой детали, повторяющийся изо дня в день протяжный крик:

«Кипяток гото-о-о-ов!»

Над доской с объявлениями стрелка беспощадно подвигается к 9. Постепенно все оживает. Стучат двери. Мелькают взлохмаченные головы. Белыми крыльями взмахивают полотенца. Все спешат к умывальнику, под холодную освежающую струю. Там уже накопилась очередь возле каждого «соска». Поторапливают друг друга и от нечего делать кого-нибудь «заводят» (конечно, хозправфаковцы медиков и педфаковцев... Уж так заведено).

Общежитский «тяжеловес» Гаян (он же «Отец Гассан»), играя своими массивными тяжелоатлетическими мышцами, становится под кран и обливает холодной водой свое упругое тело.

Миша «бас» оглушительной октавой выводит, прижимая руку к сердцу:

Я угасаю с каждым днем,
Но не виню тебя ни в чем...

И кажется, что стены маленькой умывальной содрогаются и вторят прославившемуся басу общежития.

Но вот в воздухе угрожающе проносится: «кипяток долива-ю-ю!» Скорей, скорей, нужно успеть «чайку пошвыркать» и бежать на лекции, практические занятия, на учбу...

Вечером муравьи сползаются в свой муравейник...

Общежитие—тоже своеобразный муравейник. В каждой комнате свой мирок.

В некоторые комнаты, особенно к медикам, даже зайти страшно—антисанитария стопроцентная (увязка теории с практической жизнью). Закроются на ключ и никого не пускают, кроме «своих ребят».

Есть в других комнатах и музыка, и пляска, и песни. Все есть. Одни работают, другие развлекаются... Кто во что горазд.

Высококультурные мы люди, ну и собрания у нас, конечно, культурно проходят. Не то, что, скажем, какая-нибудь буржуазно-демократическая говорильня... чин-чином все идет.

Собираются на общежитские собрания, конечно, туго. Ох, как туго. Раза три свет во всех комнатах погасят, горластые ребята связки голосовые себе надорвут, а потом уже начинают собираться лениво в коридор степенно и важно солидные жильцы.

Ну доклад там, или еще что-нибудь, еще туда-сюда—прослушают, но когда «преть» начинают—беда: галдеж и шум невообразимый—прямо новгородское вече... Да что вече! Ему, наверное, у нас поучиться надо...

С одной стороны, это, конечно, хорошо—оживление и прочее, но культуру-то мы, пожалуй, перекультурили.

Вечеров устраивается мало. А нужно бы. В тесноте, да не в обиде. Вот он вечер: коридор... гармошка... песни... «шагистика по узкому коридору»... Скучно, но все-таки—спайка...

В общежитии имеются два любительских приемника. Слушают местную радиостанцию, а иногда трансляцию из Хабаровска или даже из Голландии. А на днях пробовали провести громкоговоритель. Захрипело по коридору, и полились звуки вальса, декламация из Демьяна Бедного. Опыт удался. Сейчас готовится постоянная громкоговорящая установка для обслуживания по очереди всех общежитий.

Красный уголок: газеты и шахматы, шахматы и газеты... Да и те по комнатам растаскиваются («в гостях хорошо, а дома лучше»).

Сейчас начали коллективно в кино ходить. Хорошее дело, да только поздно взялись—зачеты на носу (а у некоторых и на шее).

Так живет эта прославленная иркутская «Бастилия»—общежитие № 3.

Иркутск.

СТУДЕНТ К.

ЕЩЕ ОДИН КОЛЛЕКТИВ

В Ростове-на-Дону при Северокавказском государственном университете организован второй студенческий коллектив, объединяющий 45 человек.

Коллектив ставит себе целью упорядочить быт и учбу своих членов, рационализировать их бюджет, повысить их политическую грамотность и участие в общественной жизни и на основе этого создать действительную коллективную жизнь.

Коллектив существует всего несколько месяцев, но за это время он уже успел многое сделать.

Введено коллективное питание—завтраки и ужины, что сберегает у членов коллектива и время и деньги. Членам коллектива уже не приходится голодать.

Свободное время не пропадает даром, а используется для (более или менее) культурных и здоровых развлечений. Устраиваются товарищеские вечеринки самодеятельности, вечера-диспуты, играют в шахматы, шашки, «викторину», проводится (правда, очень редко) коллективный просмотр пьес и кинокартин.

Новым коллективом создана относительно удовлетворительная рабочая обстановка для академических занятий. Существует кружок по изучению немецкого языка, группы по подготовке к проработке решений XV Партсъезда, подобрана порядочная общая библиотека из книг членов коллектива.

Большой недостаток в работе нашего коллектива заключается в том, что нам приходится «вариться в своем собственном соку», бродить ощупью в отношении методов массовой культурно-просветральной работы в коллективе. Это тем более досадно, что студенческие коллективы существуют уже давно, и в других городах, особенно в Москве и Ленинграде они имеют богатый опыт работы. Они успели уже выявить, какие цели и задачи можно ставить перед студенческими коллективами, выявить методы борьбы за здоровый быт, за продуктивную учебу, за повышение общественной активности студенчества. Досадно, что мы об этом опыте ничего не знаем и что один коллектив не ведает, как живет и работает другой.

Наши коллективы растут, число их увеличивается с каждым годом, и они начинают занимать большое и заслуженное место в студенческой жизни. Журналу «Красное студенчество» следовало бы отвести специальный отдел для освещения жизни и опыта работы студенческих коллективов.

Ростов-на Дону

НА БОРЬБУ С БОГЕМОЙ

Закончившийся судебный процесс Альтшуллера, Анохина и Аврущенко, вскрыл крупные недостатки и болезни среди некоторой части учащейся молодежи литературных учебных заведений. Этот процесс показал, что богема и мелкобуржуазные настроения среди нашего литературного молодняка еще не изжиты до конца.

Студенческая общественность такого рода настроения клеймит позором и считает крайне необходимым мобилизовать все возможности для активной борьбы с богемой, мелкобуржуазной идеологией, упадочным настроением, развратом и др. пережитками старого общества среди учащейся литературных вузов, техникумов и курсов. Ряды пролетарского студенчества, готовящие активных строителей социалистического общества, должны быть чисты, идеологически выдержаны и активны.

Редакция «Красного студенчества» с очередного номера журнала открывает кампанию против богемы и других извращений среди учащейся молодежи литературных учебных заведений. Редакция надеется, что она найдет живую поддержку среди товарищей-читателей журнала присылкой своих статей, заметок, предложений и пожеланий.

ЛЕВГО

ЛАУ

(Литературная ассоциация университета)

Год тому назад на принципах федерации советских писателей была организована литературная ассоциация университета. В нее вошли на равных правах представители ЛАППа, Северного Перевала и из критиков—представители так называемой школы формалистов.

В настоящее время наша ассоциация насчитывает двадцать человек, подавляющее большинство из них поэты. Открытые собрания ассоциации посещаются студентами всех факультетов (до 100 человек), хотя большинство участников—филологи.

Наша работа: вечера, выступления в других вузах, рабфаках, техникумах, диспуты и литературные суды.

Наша учеба: доклады на литературно-бытовые и историко-литературные темы.

Кроме того участие в стенной газете раньше и в печатной газете университета—теперь.

Литературное лицо нашей ассоциации таково: большинство поэтов формально идет от Есенина, в лучшем случае от Блока; остальные—от акмеистов и лефовцев. О прозаиках говорить труднее, их только трое.

Вот вкратце характеристики наиболее интересных членов ассоциации.

Давид Гастинг. Гастинг наиболее культурный поэт ассоциации. Синтаксис Пастернака и ритмика Асеева оказывают на него большое влияние. Четкий и лаконичный стиль молодого лефовца выделяет его стихи из эпигонской массы ассоциации. Печатался в «Молодой гвардии», «Ленинградской правде» и других органах.

Владимир Заводчиков—выпустил в издательстве «Молодая гвардия» книгу стихов «Горький мед», кроме того много печатался в толстых и тонких журналах Москвы и Ленинграда. Скоро выходит отдельным изданием в Госиздате его «Сказ о партизанах».

Книга «Горький мед», несмотря на ряд недостатков, справедливо отмеченных нашей прессой, вносит много нового в комсомольскую поэзию. Некоторая философская установка его стихов привлекает к нему внимание читателя.

Павел Яцынов—хорошо известен в своем родном городе Смоленске. В Ленинграде и Москве меньше, потому что мало печатался. Сейчас им подготовлена к печати книга стихов. П. Яцынов весь во власти А. Блока и С. Есенина. Мягкая, почти женственная лирика этих авторов владеет им. Технически Яцынов давно уже достиг некоторого среднего поэтического уровня, когда придаться к стихам с точки зрения формы становится уже трудно.

Дмитрий Климов—типичный крестьянский поэт: узкая тематика, однообразность ритма, чуть-чуть образов, чуть-чуть лирики, чуть-чуть пейзажа—всего в меру... Книга его стихов «Первая борода», вышедшая в крестьянском отделе Госиздата, с успехом это доказывает.

Бор. Лихарев—поэт молодой и покамест не имеет книжки; стихи его отмечены большим влиянием акмеизма. Лихарев поэт лирический. Даже сюжеты и

персонажи стихов Лихарева, эпических по существу, сделаны им лирически. Для него характерна эмоциональность и звуковка асеевского порядка. Лучшие его стихи — «Декабристы» и «Бар» — напечатаны в альманахе «Кадры».

Дмитрий Левоневский. В журнале «Юный пролетарий» (№ 1—1928 г.) высказано следующее мнение о нем:

«Поэта влекут к себе романтические темы. Он пишет «Гейне», «Английскую балладу» и т. д. Книга поставлена во главу угла. И это главнейший его недостаток. Но беря книжную тематику, он сдобривает ее неподдельной эмоциональностью. Фактически на этом эмоциональном фундаменте и держатся стихи Левоневского. Поэтому даже сухая тема звучит у него свежо».

С этим нельзя не согласиться. Наиболее крупная его вещь — поэма «Легенда о четвертом миге счастья» — напечатана в альманахе «Кадры»:

Прозаик Геннадий Гор. В том же журнале написано про Гора:

«Гор стилистичен и формально идет от Бабеля, Каверина и иностранных новеллистов; характерен язык Гора, заметна большая работа над фразой, умелая разработка сюжета. Минусы Гора — узость тем, излишнее эстетство, рассчитанное на квалифицированный круг читателей»

Сейчас Гор работает над большим рассказом из студенческого быта.

Юлий Берзин — имеет изданный в «Прибое» роман «Форд»: быт эпмана, дельца, быт чуждого элемента — такова тема романа. Разнообразие употребляемых приемов, интересная разработка сюжета, культурность, характеризуют автора с лучшей стороны. Но Берзин, как и все, не лишен недостатков. Основной недостаток чрезмерное употребление анекдотов, — некоторый налет фельетонности...

Вас Валов (книг не имеет). Его рассказ «Сочек», напечатанный в альманахе «Ковш», вызвал много толков на страницах ленинградской прессы, которая обвиняла его в неправильном изображении быта Красной армии. Формально Валов идет от «ориенталистов» (Ник. Никитин). Пишет он главным образом о деревне, о гражданской войне. В настоящее время Валов работает над романом из студенческого быта («Мытня»).

Кроме всех этих перечисленных авторов нужно упомянуть еще о двух поэтах — об Юрии Круковском и Марии Терентьевой, сейчас в Ленинграде не находящихся, но состоящих членами нашей ассоциации.

В текущем году ассоциация намеревается устроить два вечера:

1) посвященный 50-летию со дня смерти Некрасова,

2) большой литературный вечер в университете.

В апреле выходит сборник стихов, изданный ассоциацией.

Вот маленький итог нашей годовой работы.

Ленинград.

Н. ПЛИСКО

В. Кудашев. Фомка номерованный. Госиздат, Москва, 1928 г., стр. 48, цена 30 к.

В. Кудашев, студент 1 МГУ, в литературе не новичок. Его книга «Фомка номерованный» — книга не дебютная. Способный, вдумчивый, молодой писатель, серьезно относящийся к своей работе, Кудашев стоит на верном пути, на пути упорного искания такого художественного метода, с помощью которого был бы возможен «показ живого человека» во всей его противоречивости и многогранности. Успешность искания у него обеспечена тем, что он проходит хорошую школу Толстого. Кудашев учится художественному методу у Толстого, но уже теперь слышен в его творчестве его соб-

ственный голос, который с каждой новой вещью все больше и больше крепнет и уверенней звучит.

«Фомка номерованный» — рассказ о деревенском подростке, любознательном и озорном, потянувшимся к знанию, культуре. Сюжет рассказа прост — Фомка со станции случайно отвозит незнакомого парня, который оказывается студентом-рабфаковцем, приехавшим из города в родную деревню на каникулы. В пути Фомка узнает, что Иванков (так зовут рабфаковца) думает учиться «на инженера». После этой встречи Фомка тоже стремится попасть в город учиться. Вступает в комсомол — домашние (отец и мать) его порют за такой «озорной шаг».

Но он доказывает (завоевав авторитет умением управлять плугом) свою правоту, и отец мирится с его комсомольским званием.

Особо сложной интриги в рассказе нет, а между тем рассказ читается с интересом. Объясняется это тем, что фигура Фомки подана живой, во всей сложности противоречивой психики подростка.

Но вместе с тем автор все же не смог избежать шаблонов в показе некоторых деталей и отдельных поступков героя. Начав в первых главах довольно удачным и вполне оправданным приемом показа действительности через восприятие подростка, автор в дальнейших главах этот прием оставляет. «Впереди самое страшное, с трубой, дымом и огнем. А сзади него много нацеплено. Все-го и не сочтешь. Все оконстые, на избу похожи. А весь — как целая свобода», так воспринимает Фомка подошедший к станции поезд.

Следует отметить, что даже этот прием у него в некоторых местах недостаточно творчески осмыслен и подан шаблонно. Например письмо Фомки рабфаковцу Иванову в Москву: «Потом я заступил в комсомол. Отец мне за это лупит. Расскажи это товарищу Ленину, — продолжает он, — и пусть, если он не поверит, валяй приеда, как он мне лупит...» (стр. 46).

Язык всего рассказа хороший, крепкий, сочный. Попадают свежие сравнения и образы, причем все они взяты из близкого и понятного герою окружения. «Ребят сразу набежало — в час не расшвыряешь». «Под мостом бушевала вода мутная, как разварной горох». «Читал он с трудом и на последнем слове даже совсем записулся. Все равно, как борона на пень наехала, прыгает, а толку нет».

Особенно хороши в рассказе диалоги. Но автору следует посоветовать осторожней относиться к ломанию иностранных и новых слов его героями, потому что в одном месте его герои ломают слова до чрезмерности, а в другом, случается, они забывают о том, что слова эти им не полагаются правильно произносить или произносят не так, как раньше. Так, Фомка, увидев у Иванкова револьвер, говорит: — «Что это у тебя, товарищ? Ворверт? В другом месте он револьвер называет «ливорвером». То же и в речи отца Фомки. То он не может выговорить слова комсомол, называет его «сокомол» (стр. 19), то вдруг закатывает целиком литературную фразу:

— Кто тебе давал разрешение вступать в комсомол, — кричит он, обращаясь к Фомке (стр. 27).

Несмотря на вышеозначенные недостатки, все же следует отнести рассказ к числу рассказов удачных. У нас мало художественных рассказов о крестьянской молодежи, деревенском комсомоле, и крестьянской молодежи следует горячо рекомендовать эту книжку.

Василий Gladkov. Улыбчивые рассказы. Издание автора, Москва, 1928 г., стр. 32, цена 50 к.

Книга рассказов Василия Gladkova, студента высших московских гослиткурсов, — книга дебютная. Автор избрал один из труднейших видов литературного творчества, а именно — юмористический рассказ.

Первый сборник обычно должен появиться в результате завершения определенного этапа литературного развития писателя. Он обязан наметить хотя бы неточные границы творческих возможностей писателя. «Улыбчивые рассказы» не позволяют в достаточной степени судить именно об этой стороне творчества В. Gladkova.

У каждого прочитавшего книжку Gladkova прежде всего возникает вопрос — действительно ли автор стоит на правильном творческом пути? Не является ли юмористический рассказ ошибочным увлечением автора?

Чтобы быть действенным, юмористический рассказ должен отвечать одному из следующих двух требований: либо он должен строиться на несоответствии, либо же достигать действительности комизмом сюжетной ситуации.

Большинство рассказов, представленных в сборнике, не отвечают ни первому, ни второму требованию. Это скорее фотографические картинки жизни города («Автобус», «Пьяненький») и зарисовки быта советского служилого мещанства («Исторические часы», «Запуганный», «Букет»).

Там же, где и намечается как будто комическая сюжетная ситуация, она неумело раскрывается. Близорукий гражданин, приглашенный на именины, решил преподнести имениннице букет цветов. Купленный у разносчика букет цветов оказался надушенным красным кушаком («Букет»).

Местами слаб диалог в рассказах, потому что он включает ходячие плоские остроты:

— Нет местов, — кричит кондуктор.

— Вы не знаете падежов — поправляет его человек с литературным образованием, который, изгибаясь всем телом, как в безумном «фокстроте», ловит скрюченными пальцами под потолком ремешок-держатель.

Несмотря на большие промахи книжки в целом, все же следует признать удачными рассказы «Запуганный» и «Букет».

В заключение нам представляется возможным задать вопрос автору его же словами, которые он произносит шуточно в своем предисловии.

— Но я не юморист, — говорит автор, — да и в родословной, начиная от Адама, у меня таких не было и не предвидится, — врагу не желаю...

Может, товарищ Gladkov, вы действительно стоите на неправильной творческой дорожке?

В. ЦВЕЛЕВ

Борис Соловьев, „Веги“. Стихи, „Прибой“, Ленинград, 1927 г. Стр. 96. Тираж 1500. Цена 1 р. 25 к.

Имя Бориса Соловьева, студента Ленинградского университета, для наших читателей, вероятно, неизвестно. Его стихи печатались в „Молодой гвардии“, „Звезде“, „Комсомольской правде“ и т. д.

В рецензируемой книге собраны стихи за три года работы (июль 1924 г.—июнь 1927 г.).

С первых же строк автор заявляет:

Я вскормлен невскою волной
Под стук торцов,
Приятен мне, как зов родной,
Прибойный зов („У Невы“).

Это обстоятельство определяет и выбор тем и самый подход к ним. Сначала в книге идут воспоминания о прошлом:

Вот улыбок острые расколы,
Иней на синюющих штках.
И твои, твои былины, голод,
Я читаю в сумрачных зрачках („О детстве“).

Но уже в последних стихах, помеченных 1924 годом, Соловьев добивается „стойкой поступи“, он расквитывается с прошлым, подводит итоги. А в 1925 году звучит „Песня о топоре“, начинается переход к трудовой действительности.

Большинство стихов пропитано искренним оптимизмом, но в них совершенно отсутствует то желание во что бы то ни стало издавать мажорные звуки, которое замечается у некоторых молодых поэтов. Это выходит не случайно. Эта задача поставлена самим автором.

Под окнами шепчутся вязы,
Кипит и клокочет листва.
Я сам сочиняю рассказы,
Я сам рассыпаю слова.
А все ж я завидую вязы,—
Над звонкою зеленою трав
Шумит и поет он, ни разу
Себе и другим не солгав („Осенняя листва“).

Поэт тоже не хочет лгать. Он прямо заявляет:

Ах, каждому это известно,
И знает про это любой,—
Мы выросли хилыми с детства
На плитах панели рябой.

Но все это отнюдь не переходит в „плач на реках Вавилонских“. Автор ждет и верит:

... Раскроются дали
И улица станет иной,
Чтоб снова мы солнцем дышали
И звонкою голубизной.

Борис Соловьев—поэт городской. Попадают в стихах его и деревенские мотивы: „ковыли, табуны и курганы“, но все же наиболее яркими остаются стихи, посвященные заводу („Мастер“, сдержанный пафос „Мартына и Мартэна“).

Эв,
Заводская жизнь,
Хорошей,
Сумрак убой
В упор.
Кипи, железо,
Полных ковшей,
Стынь,
Ставь,
Форм.

Учится Соловьев в хорошей поэтической школе. Асеевская виртуозная музыкальность чувствуется в таких строчках:

Вот опять крепчающий мороз там,
Дружество железа и полей.
Отболев тоской тысячекратной,
Песнями теперь переболей.

Можно, пожалуй, упрекнуть Бориса Соловьева за некоторую юношескую нетвердость голоса. Так, третье стихотворение из цикла „Простых песен“ напоминает стихотворение Гогольного „Слепой“.

У Соловьева:

Он стоит на перекрестке,
Где гранитное крыльцо...

У Гогольного:

Он стоит на перекрестке улиц,
Где ни сесть ни лечь.

В цикле „Окраина“ одно стихотворение разработано „под Светлова“.

Можно было бы найти и еще чужие итонации, но не стоит их разыскивать. Будем надеяться, что Соловьев сумеет найти свою дорогу.

В. Ц.

Геннадий Фиш. „Разведка“. Стихи. Изд. „Прибой“. Ленинград, 1927 г., стр. 64, цена 90 к. Тираж 15 000.

Среди ленинградского поэтического молодняка Фиш выгодно выделяется наличием внутреннего единства в своих стихах. Он не меняет так скоро своих привязанностей, как хотя бы Соловьев или Корнилов, у которых можно отыскать следы влияния самых разнообразных поэтов—от Асеева до Есенина. Фиш более постояен. Отсюда его достоинства, отсюда же и промахи.

Вот стихотворение: „У букниста“.

Шиллер и Хаггард, смешной Улен-
шиппель,
Пыль в переплетах, и пылью полный
Я отплывал, и парус запырал

В черные, ломкие книжные волны.
Пыль, а на полках ветер и вместе
Лес загуел в далекой Гвинее.

Громко Дантон в Антуанском пред-
местьи

Граждан к оружию зовет и восстанью.
Граждане-ветры, Миклуха в Гвинее,
Храбрый Мюнхгаузен летит на луну,
К чорту червонцы, в кармане гинееи.
Шляпку в шторм на неделю б одну.
Шторм бы такой, чтобы не было
палуб,

Шторм бы — как в день перед взять-
ем дворца.

Шторм бы такой, чтобы парусом
рвало б

Снасти и страны, лицо и сердца.
Я выплываю. Сумерки плещут;
Лампу старик зажигает, и вот
Все на места становятся вещи,
А за окном барабанщик бьет.
По переулку снег новогодний,
Песнь пионеров, а здесь жара —
Книги подмышку, ступень, как
сходни,

Трепку в ладонь — и на диспут пора.

Если отсюда удалить 4-ю и последнюю строфы, то мы получим типичное акмеистическое, даже конкретнее, „гумилевское“ стихотворение, в духе „Заблудившегося трамвая“. Торжественная установка („все на места становятся вещи“), экзотика, слушание героев, действительно существо-

вавших, с книжными („граждане-ветры, Миклуха в Гвинее, храбрый Мюнхгаузен летит на луну“), заумнозвучащие имена („Шиллер и Хаггард, смешной Уленшпигель“), все это создает давно знакомый колорит.

Но это одно из ранних стихотворений Фиша. В следующих стихах влияние акмеистов замещается влиянием Н. Тихонова.

...Хрипя глотает снег олень,
И снова сосны, нарты, дель.
...Летит, глотая снег и версты,
К войскам народный комиссар.
(„Побег“).

Тут вспоминается „Баллада о синем пакете“. Но экзотика Фишу все же не свойственна, и там, где он описывает, например, возвращение моряка („Подшефное“), впечатление от стихов остается гораздо большее.

Мне и сейчас припомнить люблю:
Берет иглу спокойно в губы,
Согнувшись, стачивает шов,
И песню запевает Люба,
Моя подшефная любовь.

Во избежание недоразумений нужно сказать, что, несмотря на отмеченное действие акмеизма, собственный голос автора слышен вполне отчетливо в целом ряде стихов. Таковы: „Питерское“, „Песельное“, „Смотреть на звезды“ и весь отдел „Контрольные цифры“.

Подписчикам и читателям „Красного Студенчества“

Работая над дальнейшим улучшением журнала, редакция просит всех товарищей-читателей, ответить на следующие вопросы

1. Какие №№ журнала вы читали?
2. Какие отделы журнала вы считаете наиболее удачными?
3. Какие недостатки находите в отделах журнала?
4. Какие рассказы и стихи считаете удачными, какие слабыми?
5. Какие статьи из отделов «Наша общественность» и «Учебная жизнь» понравились вам?
6. Какие вопросы, освещенные в журнале, обсуждаются в вашем кругу?
7. В какой форме вы сами могли бы помочь журналу в улучшении его содержания и в распространении?
8. Сколько человек читает журнал, который вы выписываете или покупаете?
9. Наименование учебного заведения и курса.
10. Ваши советы и пожелания.

Ответы должны быть короткими, ясными, четко написанными, однако, следует избегать лаконических, ничего не говорящих ответов.

Пишите на отдельном листе бумаги, не переписывая вопросов и соответственно нумеруя ответы.

Присылайте ответы в течение июня месяца.

Адрес: Москва, 11, Солянка, 12, Дворец труда, комн. 214. Редакция журнала «Красное студенчество».

СРЕДИ УЧЕБНИКОВ

А. ИВУЦ

В Слепков. Биология и марксизм. Очерки материалистической биологии. Гиз, 1928 г., стр. 108, цена 80 к., тираж 4 000 экз.

Подготовка научных марксистских сил в области естествознания еще поставлена недостаточно. Преподавательско-профессорский персонал марксистски мыслящий слаб в наших вузах. Нередки случаи, когда кафедры по биологическим дисциплинам занимают профессора виталисты с поповской идеологией (пример медфак I МГУ). Сплошь и рядом наши профессора подходят под категорию тех естествоиспытателей, о которых Ф. Энгельс писал в „Диалектике природы“: „Естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические определения, а эти определения они неосторожно заимствуют либо из ходячего теоретического достояния так называемых образованных людей, над которыми господствуют остатки давно прошедших философских систем, либо из крох образовательных университетских курсов по философии (что приводит не только к отрывочности взглядов, но и к мешанине из воззрений людей, принадлежащих к самым различным и по большей части самым скверным школам), либо их некритического чтения всякого рода философских произведений, то в итоге они все-таки оказываются в плену у философии, но, к сожалению, по большей части самой скверной, и вот люди, особенно усердно бранящие философию, становятся рабами самых скверных вульгаризованных остатков самых скверных философских систем“.

В этой цитате кстати мы находим указание на основную недостаток главной массы современных естествоиспытателей, находящихся в плену самой скверной философии и отрицающих необходимость общей диалектико-материалистической методологии естественных наук.

Очерки В. Слепкова „Биология и марксизм“ полезны для студента в двух отношениях. В первых, в этой книге читатель найдет доказательство положения, что развитие естествознания часто стихийно, вопреки воле самих ученых, приводит все более и более к торжеству метода диалектического материализма в области биологических наук. Во вторых, рецензируемая кни-

га может подготовить студента критически воспринять курс лекций и немарксистскую специальную литературу. Книга вооружает своих читателей марксистским методом научного исследования, показывая на ряде конкретных примеров, как его (метод) применять на деле. В. Слепков является последовательным материалистом-диалектиком в отличие от некоторых сторонников Маркса, механистов. Это обстоятельство еще больше выделяет очерки „Б. и М.“ в которых действительно чувствуется влияние „Диалектики природы“.

В книге собраны пять очерков: 1) Теория эволюции и марксизм, 2) Дарвинизм и исторический материализм, 3) Витализм и механизм, 4) О происхождении жизни и 5) Организм как диалектический процесс. Один лишь перечень этих тем раскрывает перед читателем разнообразие проблем, которыми занимается автор в своей книге.

В первом очерке В. Слепков разбирает основные теории эволюции—дарвиновскую, автогенеза, ламаркизма, де-Фриза и Лотси—и приходит к заключению, что с диалектико-материалистической точки зрения объяснение эволюции можно найти только в учении Дарвина. Вслед за Гексли он заявляет: „Либо дарвинизм, либо ничего“. В своем увлечении Дарвином В. Слепков забывает, что сам Дарвин сознательно отрицал диалектику. Достаточно привести выдержку из заключительной главы его „Происхождения видов“: „Так как естественный отбор действует исключительно посредством накопления незначительных, благоприятных изменений, то он и не может производить значительных и внезапных превращений; он подвигается только короткими и медленными шагами. Отсюда правило „Natura non facit saltum“, все более и более подтверждающееся по мере расширения наших знаний, становится понятным и на основании этой теории“¹. (Гиз, собр. соч., т. I, кн. 2, стр. 446).

Это обстоятельство объясняется тем, что Дарвин боролся против антиэволюционных учений о катаклизмах (Кювье и др.) и, естественно, ударился в противоположную

¹ А. В. Слепков на 26 стр. пишет: „...эволюционный процесс в дарвиновском представлении не есть некий абсолютно постепенный процесс“.

сторону. Однако Ч. Дарвин, как гениальный ученый и последовательный материалист в области естествознания, не мог не дать вопросу своему „Natura non facit saltum“ и стинную картину развития, т. е. диалектический процесс. Из всех эволюционных теорий, конечно, по существу, ближе всех к марксизму теория Дарвина, раз его антидиалектические заявления не оказали влияния на основные положения его учения. В третьей главе автор рецензируемой книги как раз рассматривает элементы диалектики в дарвинизме: идея развития, процесс новообразования, историзм и борьба противоположностей. Все это дает ему основание справедливо утверждать, что дарвинизм постепенно конструируется как методология биологических наук—методология диалектико-материалистическая по существу. И прав Энгельс, когда писал: „все в природе в конечном счете, совершается диалектически“.

С особым интересом читается пятый очерк, в котором В. Слепков показывает на отдельных примерах, как организм „течет и изменяется“ диалектически. Вначале на примерах развития насекомого (яйцо—гусеница—куколка—бабочка), эмбрионального развития позвоночного (яйцо—бластула—гаустрала и т. д.), измененный желез внутренней секреции (зобная железа и др.), безусловных и условных рефлексов и т. д., автор очерка доказывает, что организм подчиняется в своем развитии закону перехода количества в качество. Далее В. Слепков вскрывает мысль Энгельса об единстве противоположностей. „Всякое организованное существо постоянно представляет собою то же самое и в то же время нечто иное“,—писал автор „Диалектики природы“. В. Слепков в ряде примеров подтверждает, что жизненный процесс есть противоречивое движение, причем действительно „полосы противоположения“, „проникают друг друга“ (Энгельс). Ограничимся одним примером. Известный жизненный процесс обмена веществ являет собою одновременно и ассимиляцию и диссимиляцию. И только так есть жизнь, где процессы питания, накопления и организации сопровождаются процессами разрушения, распада и дезорганизации. Это обстоятельство и дало основание Клоду Бернару сформулировать диалектический парадокс: „Жизнь—это смерть“, или Ф. Энгельсу—„Жизнь—значит умирать“. В конце этого очерка В. Слепков останавливается на проблемах историзма и роли среды в развитии организма.

Интересна глава о происхождении жизни, где автор показывает, что весь современный живой мир есть результат длительного исторического процесса, первоисточником которого в конечном счете явился мир неорганизованный, причем начальные, прошедшие звенья развития жизни—элементарно живые существа—нам совершенно

неизвестны. Опыты Бернштейна (амеба), Пеффера (сперматозоиды папоротника), Ледюка (тропизмы) и других воспроизводят только внешнюю сторону жизни, совершенно не совпадая с ней по существу, и по всей вероятности, существовали переходные формы между неорганическим миром и теперешними простыми веществами, формы, которые нам известны и которые знаменовали собою целую историческую эпоху.

В главе „Витализм и механизм“ В. Слепков вскрывает научную несостоятельность витализма и механизма.

Настоящую книгу мы усиленно рекомендуем не только студентам-естественникам и агрономам, как необходимое учебное пособие, но и всем вузовцам как книжку, которая ознакомит их с основными вопросами современной биологии и введет в курс спорных вопросов этой дисциплины, что абсолютно необходимо каждому для выработки цельного научного мировоззрения.

А. М. ДОЛМАТОВСКИЙ

В. Шререр. Советское хозяйственное право. (Право торгово-промышленное.) Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Гиз, 1923 г., стр. 332.

Книга проф. Шререра является учебником специальной части советского хозяйственного права—права торгово-промышленного. Потребность в учебнике торгово-промышленного права велика. Нормы закона, регулирующие сферу советского хозяйства, выросли до громадных размеров. В большинстве случаев они издаются, как это и естественно для торгово-промышленного оборота, преследующего плановые и регулирующие начала, общесоюзными органами. Далеко не все эти нормы включаются и могут быть включены в гражданские кодексы, оставаясь в значительной части несистематизированными. Чем больше объем законов, тем больше для их усвоения учащимися необходим учебник.

Писание учебников—трудное дело. Автору учебника недостаточно хорошо знать только те или другие отдельные проблемы трактуемого им предмета. Он должен более или менее детально изучить все проблемы. При этом ему надо уметь изобразить их в известном соотношении так, чтобы главное и второстепенное сочеталось пропорционально и давало надлежащую перспективу. И, наконец, в отношении учебника особенно уместно требование ясности изложения.

Но это не все. Главной задачей юридического учебника является не передача в том или ином порядке содержания законов и их теоретического значения, а систематическое выяснение основных начал соответственной области жизни и ее законодатель-

ного оформления. Разумеется, попутно с установлением принципов, заложенных в изучаемом предмете, необходимо знакомить читателя с действующим правом, его историей, динамикой и литературой.

Учебник проф. Шретера вполне удовлетворяет указанным требованиям. Он дает систему, а не изложение разрозненных институтов торгово-промышленного права. Обширный материал действующего права, исторические сведения и данные теории соответственных проблем торгово-промышленного права как в русской, так и иностранной литературе довольно пропорционально иллюстрируют всю систему. Кроме того — что особенно важно в учебнике советского хозяйственного права — читатель найдет в нем яркую юридическую характеристику особенностей советской системы хозяйственного права. Учтена в меру и судебная практика. Учебник проф. Шретера выясняет в общей части предмет изучения, дает историю советского хозяйственного законодательства, характеристику переходного времени и освещает источники советского торгово-промышленного права. В разделе 2-м излагается учение о правовых основах советского торгово-промышленного оборота. Здесь вопросы о крупной, средней и мелкой промышленности, государственной, кооперативной и частной, а также арендной, о монополии внешней торговли, о концессиях, о недрах земли и пр., вопросы национализации, регулирования и учета. Затем идет учение о субъектах торгово-промышленного оборота. Далее разрабатываются вопросы о правовой организации рынка, куда входят понятия предприятий, промышленных, исключительных прав торгового служащего, доверенного и посредника, торговых сделок и организаций, содействующих торговле. Последний — пятый — раздел посвящен торговым сделкам, к которым относятся, помимо общего учения о сделках, продажа товаров, товароскладские операции, договор перевозки грузов, вексель, банковые сделки и имущество страховании.

Можно не соглашаться в тех или других отношениях с системой проф. Шретера, например, с отнесением торговых служащих, доверенных и посредников не к субъектам торгово-промышленного оборота, а к правовой организации рынка, или с приравнением комиссионеров к посредникам вместо обсуждения договора торговой комиссии в числе торговых сделок, — но в общем учебник проф. Шретера дает довольно полное представление об основных принципах предмета.

Как это неизбежно бывает со всяким научным трудом, — а учебник проф. Шретера носит, помимо учебных целей, и строго научный характер, — в нем встречаются положения, с которыми нельзя согласиться. Так,

вместо анализа товариществ с ограниченной ответственностью, этой восприимчивой в настоящее время многими странами формы, автор ссылается на наше законодательство, которое в этой части основано на ошибке, допущенной при составлении Гражданского кодекса (товарищества с ограниченной ответственностью в нем изображены как кооперативные товарищества, а не как средняя форма между акционерным обществом и полным товариществом). Отсюда неизбежное и ненужное сближение кооперативных товариществ, синдикатов, обществ взаимного кредита и др. Между теми, другими и третьими как в отношении формы, так и в отношении строения капиталов, ответственности, членства и пр. существует большая принципиальная разница. Далее, нельзя согласиться с утверждением проф. Шретера, что „наш закон знает право удержания пока лишь для обеспечения претензий комиссионера к комитенту“ (стр. 254). Впервые, наш закон знает право удержания железных дорог (железная дорога обязана выдать груз лишь после его выкупа — ст. 88 устава), товаро-складских и экспедиторских организаций (их уставы, утвержденные высшими законодательными органами). Вовторых, в отношении комиссионной сделки закон наш, в сущности, устанавливает не право удержания, а право зачета, ибо разрешает ему удержать не товары комитента, а деньги.

Имеются в учебнике и некоторые мелкие ошибки, относящиеся, повидимому, к корректуре издания. Так, на стр. 267 при пояснении понятия распорядительного документа сказано вместо дубликат накладной, — „дубликат“, „накладная“, как будто оба эти документа являются распорядительными документами. Эту ошибку важно исправить, так как в Гражданский кодекс в ст. 67 называется ошибочно накладную распорядительным документом. На стр. 289 вместо статьи 79 Уст. железных дорог напечатана 77-я ст., на стр. 291 — вместо 89 п. 2 — 79 п. 1. Необходимо, далее, указать на отсутствие среди торговых сделок договора экспедиции. О нем мельком упоминается при обсуждении вопроса о комиссионерах. Но к комиссионной сделке наше законодательство, как это отмечает и проф. Шретер, относится недоброжелательно, между тем как договор экспедиции, в силу его большого значения для планирования хозяйства, оно поощряет. Договоры экспедиции заключаются у нас сотнями тысяч в год. Повидимому, в будущем при последующих изданиях учебник проф. Шретера, не разрастаясь в объеме, — значительное увеличение объема учебника было бы нежелательным, — будет шлифоваться и чеканиться. Но из него может вырасти и курс торгово-промышленного права, который будет весьма полезен для более углубленного изучения предмета.

ИГОРЬ

Какого инженера должны готовить наши вузы. Отзывы деятелей промышленности, науки и техники. Под редакцией И. И. Ходоровского. Совместительными статьями И. И. Ходоровского и проф. П. С. Осадчего. 1928 г., Гиз, стр. 178, цена 1 р. 25 к., тираж. 4000.

Этот сборник мнений ряда работников промышленности и высшей школы напоминает нам спор средневековых схоластиков, которые могли всю жизнь проспорить по вопросу о количестве зубов у лошади, не дав себе труда заглянуть в рот этого животного и сосчитать, сколько же в сущности зубов имеет живая лошадь.

Дело подготовки новых специалистов в заканчивающемся учебном году справедливо привлекло внимание советской общестественности. Индустриализация страны, являющаяся на нынешнем этапе развития наиболее ответственной задачей социалистического строительства, эта индустриализация с ее новым капитальным строительством и реконструкцией всего народного хозяйства не может успешно развиваться без наличия подготовленной рабочей силы и в частности без наличия рабочей силы высококвалифицированной — инженеров и техников.

Само студенчество и его организации ныне хорошо усвоили эту мысль: усиление академической успеваемости, упорядочение работы студорганizations и многое другое из достижений высшей школы за последние годы убедительно свидетельствуют об этом. Студенчество и теперь продолжает работать над проблемой выпуска из вуза того специалиста, который требуется в промышленности. Ведь вся существующая учебная связь высшей школы с индустрией проводится почти исключительно самими студентами: организация производственной практики находится в руках студорганizations, связь с окончившими вуз и работающими на предприятиях, учет их самостоятельной работы и пр. ведется учащимися. Словом, наше студенчество и его организации в деле улучшения подготовки новых специалистов играют определенную — и не второстепенную — роль.

Естественно, казалось, что Главпрофобр РСФСР, выпуская рецензируемый сборник, должен был бы учесть также мнение студорганizations, наконец, молодых специалистов советского выпуска, уже работающих в производстве, и т. п. Но составители сборника умудрились не заметить ни студентов, ни молодых специалистов

(по примеру известных схоластиков). Больше: интересная дискуссия по вопросу о подготовке специалистов, развернувшаяся на страницах «Красного студенчества» и большинства студенческих печатных газет, совершенно не использована составителями сборника. Все, что говорится широкой массой учащихся и молодых специалистов в наши дни, когда на знаменах пишу — «Все достижения и недостатки, вся работа на сморг, на критику и проверку масс», — все это для Главпрофобра, видно, ничто: сборник выпускается, чтобы покрыть своего противника, а не для объективного изучения проблемы. И. И. Ходоровский в своей статье так и пишет: «Ели хозяйственники нам скажут относительно точки зрения того или другого профессора»: «Это говорит ваш профессор, значит, это для нас не доказательство», мы сможем ответить: «Это говорит как раз такой профессор, который занимает ответственное место в вашей промышленности» (стр. 5). И если бы самый вопрос о подготовке специалистов не имел широкого общественного интереса, то книга превратилась бы в узко ведомственную литературу по вопросу о спорах между Главпрофобром и ВСНХ. К счастью читателей, этот ведомственный материал Главпрофобра имеет большой интерес.

В сборнике, кроме статей гг. Ходоровского и Осадчего, напечатаны ответы на письмо-анкету Главпрофобра свыше сорока работников науки и техники, например И. И. Боборыкова, Н. Р. Бриллинга, акад. В. Н. Ипатьева, М. Я. Лапинова-Скябло, Л. К. Мартенса, И. Д. Кравая (ВСНХ), Г. Б. Красина и др. Имена этих из естных студенчеству деятелей наших дней уже сами по себе привлекают внимание читателей к сборнику. Действительно, в книге можно найти богатый материал, выражающий различные точки зрения на интересующий нас вопрос. Однако сборник не разрешает спора между ВСНХ и Главпрофобром и не намечает путей разрешения глобмль подготовки специалистов, так как материал ограничивается вопросом о типе специалиста. Что же делается на местах? Каким специалистам реал но выпускают вузы? Как справляются молодые специалисты со своими задачами на работе, и другие практические вопросы, которые могли действительно ответить на основной вопрос — как обстоит дело с подготовкой специалистов, — не получая освещения в сборнике. Эти вопросы еще ждут своего изучения.

ШАХМАТНЫЙ ОТДЕЛ

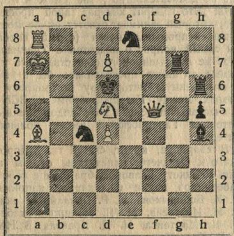
Под редакцией шахматного кружка Московской горной академии.

Редакция: Антонов, Векслер, Гуляев, Дубинкер, Красников, Левин, Победин

ЗАДАЧА № 11

Л. А. Исаев (Москва).

Печатается впервые

Мат в 2 хода

Решения (№ 11).

Задача № 5 (Яновчика). 1. Фс7—с1. Тема задачи та же, что и задачи № 2. Следует отметить тонкую мотивировку первого хода—защитить ферзем поле f4. Эту же задачу № 3 (Победина). 1. Сс4—d5 Крс2—d3 2. Kh4—f3 Сb8—f4 (если 2. ... b1Ф, то 3. Сe4+ Кр.e4 и 4. Kd2+) 3. a2—a3 (угрожая 4. Са2) 3. ... b1Ф 4. Cd5—e4+ Крд3+ e4 5. Кf3—d2+ Сf4: d2 п ат. Не новая сама по себе патовая комбинация проведена в этом этюде довольно изящно.

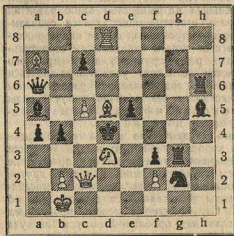
В Т С Х А

Шахсекция при исполбюро Тимирязевской сельскохозяйственной академии объединяет в своем составе четыре шахматных кружка при общежитиях, кружок рабочих и служащих академии и студентов, живущих на частных квартирах. Общее количество организованных шахматистов в академии—около 450.

В декабре 1927 г. окончились турниры при двух общежитиях и предварительный турнир академии, в котором участвовало 80 товарищей, разбитых на группы, победители которых составили финальный турнир ТСХА, окончившийся на днях. 1 приз в этом турнире и звание чемпиона акаде-

ЗАДАЧА № 12

1—2 призы межд. конк. „L'Echiquier“

Мат в 2 хода

ми завоевал Величкин +11¹/₂ (из 14), II—Рытвинский +10, III и IV—Расторгуев и Чаголов +9¹/₂, V—Якобсон +9, VI—Ронько +8¹/₂, VII—поделили Боев и Долгов.

Сильнейшими шахматистами академии даются сеансы на вечерах и в кружках.

Команда академии приняла участие в турнире губотдела профсоюзных сельхозрабочих, где заняла в турнире I группы 1-е место, проиграв 1 матч (Наркомзему) и выиграв четыре остальных. Общий результат команды +18¹/₂ из 25 возможных.

При газете „Тимирязевка“ регулярно два раза в месяц выпускается шахматный отдел.

Партия играна в V туре чемпионата вузов

Белые: Повзнер. Черные: Скворцов.
Пром.-эконом. ин-т. Ломоносовский ин-т.

Неправильное начало.

1.	Kg1—f3	d7—d5
2.	b2—b3	Kg8—f6
3.	Cc1—b2	e7—e6
4.	e2—e3	...

Подучилась „ново-индийская“ со стороны белых.

4.	...	Cf8—e7
5.	Kf3—e5	...

Чтобы сыграть f4. Однако белые отстают в развитии.

5.	...	Kb8—d7
6.	Cf1—e2	0—0
7.	d2—d3?	...

Следовало рокировать. Сделанным ходом белые передают инициативу в руки противника.

7.	...	Ce7—b4+!

Заставляя либо ходом c2—c3 закрыть слона b2, либо ходом в тексте отдать центр черным.

8.	Kb1—d2	Kd7 : e5
9.	Cb2 : e5	Kf6—d7
10.	Ce5—b2	...

Лучше было c5 с угрозой d4! (P.)

10.	...	e6—e5

Теперь центр в руках черных.

11.	0—0	f7—f5
12.	e3—e4	...

После этого черные вскрывают линию f для своей ладьи.

12.	...	f5 : e4
13.	d3 : e4	d5—d4

У слона b2 отнята большая диагональ a1—h1.

14.	Ce2—c4+	Kpg8—h8
15.	f2—f4	...

Препятствуя стратегии черных, но не замечая ответа противника.

15.	...	Cb4—c3!

Совершенно парализует слона b2, оберегающего слабые поля c3 и a3. (После размена чернопольных слонов этих слабостей не видно (P.)

16.	Cb2 : c3	d4 : c3
17.	Kd2 : b1	e5 : f4
18.	Kb1 : c3	Fd8—g5

С намерением после Ke5 играть Ch3.

19.	Fd1—d5	...

Здесь было хорошо Kd5! (P.)

19.	...	Kd7—e5

Грозит продвижение f4—f3 и опять-таки Ch3. Поэтому белые вынуждены отступить королем.

20.	Kpg1—h1	Cc8—g4
21.	Cc4—e2	...

Белые уяснили себе всю трудность создавшегося положения и спешат путем размена ослабить натиск черных.

21.	...	La8—d8!

Теперь линия „d“ во власти черных.

22.	Fd5—c5	...

На F : b7 последовало бы с „легкой угрозой“ 22... f3 23. gf K : f3 24. C : f3 L : f3 и белые не могут взять ладью из-за мата.

22.	...	b7—b6
23.	Fc5—g1	Cg4 : e2?

Ошибка. Черные упускают все преимущество положения и атаку. Следовало играть 23. ... Ld2!

24.	Kc3 : e2	Ld8—d6?

Опять ошибка, проигрывающая пешку f4.

25.	Ke2 : f4!	Lf8 : f4?

Третья ошибка, проигрывающая качество и партию. Играя просто h6, черные еще могли бы упорно защищаться.

26.	Lf1 : f4	Fg5 : f4
27.	La1—f1	Ld6—d1
28.	Lf1 : f4	Ld1 : g1+
29.	Kph1 : g1	Kph8—g8
30.	Kpg1—f1	...

Теперь выигрыш белых—дело техники.

30.	...	c7—c5
31.	Kpf1—e2	g7—g6
32.	h2—h3	Kpg8—g7
33.	Kpe2—e3	h7—h5
34.	Lf4—f1	Ke5—c6
35.	Lf1—d1	Ke6—b4
36.	c2—c3!	Kb4—c6

Бить пешку нельзя, так как терялся конь.

37. Ld1—d7+ и белые выиграли. (Примечания В. М. Скворцова).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Л. Аргутинская, А. Аргутинян, И. Дьянов, Г. Нозьмин (Ленинград), С. Куреннов, И. А. Попов, Е. Рабкин (Украина).

Отв. редактор И. А. ПОПОВ.

Зам. отв. редактора А. А. АРУТИНЯН.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ЛИТЕРАТУРА И БЫТ

А. Дорогойченко. Васька в Москве — отрывок из романа „Молодежь“	3
Ив. Катаев. Зернистый снег — очерк	15
П. Кудрявцев. Привет физкульт-весне — стихи	22
К. Митрейкин. Плавание — стихи	23
М. Терентьева. Другьям-студентам — стихи	24

НАША ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

Ф. Эйдеман. Итоги пленума ЦБ	25
И. Шпильрейн. Еще о психотехнике и комплектовании вузов	30
Ответ на письмо — „Скажите кто мы?“	33

УЧЕБНАЯ ЖИЗНЬ

А. Самарин. Производственная практика в 1928 г.	34
И. Выгодский и В. Дружинин. — Подготовка научной силы	39
И. Степанидин. Об учете успеваемости	40

СТУДЕНЧЕСТВО И КИНО

Б. Зильперт. Киномолодняк	42
Н. Юдин. Студенческая фильма дыбом	49
Л. Польский. В поход на Совкино и Главпрофобр	51

ЗА РУБЕЖОМ

Дарк. Колледжи при университетах	55
Н. Булатов-Стамбульский. Университетская реформа в Турции	57
На местах	59

СТУДЕНЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Левго. Л. А. У.	69
Н. Плиско. В. Кудашев — „Фомка померованный“	70
Н. Плиско. В. Gladkov — „Улыбчивые рассказы“	71
В. Цвелев. Борис Соловьев — „Вехи“	72
В. Ц. Геннадий Фиш — „Разведка“	72

СРЕДИ УЧЕБНИКОВ

А. Инуц. В. Слепков — „Биология и марксизм“	74
А. М. Долматовский. В. Шретер — „Советское хозяйственное право“	75
Игорь. Какого инженера должны готовить наши вузы	77

ШАХМАТЫ	78
-------------------	----

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

ЛЕНИНГРАД

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

П Р А В О

ГУРВИЧ Г. С., проф.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Стр. 183.

Ц. 1 р. 60 к.

ШРЕТЕР В.

СОВЕТСКОЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРАВО (ПРАВО ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЕ)

Российская ассоц. научно-исследовательских институтов
общественных наук.

Стр. 323.

Ц. 3 р.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

ЗАВАДОВСКИЙ Б.

ОЧЕРКИ ВНУТРЕННЕЙ СЕКРЕЦИИ

С 110 рис. в тексте. Л.—„Прибой“. 1928. (24×16).

Стр. 331.

Ц. 4 р. 50 к.

ПАРСОНС Т. Р.

ОСНОВЫ БИОХИМИИ в ПРИЛОЖЕНИИ к ФИЗИОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА

Перев. с англ. А. Е. Браунштейна. Под ред. В. А. Энгельгардта.
М.—Л. 1928. (23×15).

Стр. 224+1 табл.

Ц. 2 р. 25 к., в пер. 2 р. 50 к.

ПАУЛИ В.

БЕЛКИ И КОЛЛОИДЫ

Перев. с нем. В. А. Энгельгардта. М.—Л. 1928.

(Новейшие течения научной мысли). (20×14).

Стр. 66.

Ц. 60 к., в/п. 75 к.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

М. ГОРЬКИЙ

СБОРНИК СТАТЕЙ И ВОСПОМИНАНИЙ О М. ГОРЬКОМ

Под ред. И. Груздева. Обложка работы М. А. Кирнарского.

Стр. 480+3 вкл. фотогр. М.—Л. 1928 (20×14) Ц. 3 р., в пер. 3 р. 25 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ ГОСИЗДАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на 1927/28 учебный год
НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
КРАСНОЕ СТУДЕНЧЕСТВО

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО БЮРО ПРОЛЕТАРСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА

В ГОД ВЫХОДИТ 18 НОМЕРОВ

Подписной год: 1 сентября — 1 июня.

В 1927/28 году журнал „КРАСНОЕ СТУДЕНЧЕСТВО“ выходит в увеличенном объеме — 80 стр. (5 печ. лист.).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 3 р. 50 к., на 1-е полугодие (7 №№) — 1 р. 50 к., на 2-е полугодие (11 №№) — 2 р. 30 к., на 3 мес. (6 №№) — 1 р. 30 к.

Цена отдельного номера — 25 коп.

Для годовых подписчиков-студентов допускается рассрочка.

Адрес редакции: Москва, Солянка, 12, Дворец труда, 2-й этаж, комната 214.

Студенты-стипендиаты при условии подписки в студенческих организациях или у их уполномоченных получают КРЕДИТ на срок подписки.

(Из Циркуляра Наркомпроса от 15/Х 1927 г.)

Годподписчики получают 50% скидки на учебники Гиза по спискам, напечатанным в № 11 журнала „Красное студенчество“.

ТРЕБУЙТЕ ПОДРОБНЫЙ БЕСПЛАТНЫЙ ПРОСПЕКТ.

Продажа отдельных номеров во всех магазинах и отделениях Госиздата.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Главной конторой подписных и периодических изданий Госиздата: Москва, центр, Рождественка, 4, телефон 4-87-19,

в отделениях, магазинах и киосках Госиздата, в редакции журнала „Красное студенчество“, уполномоченными студорганизаций, уполномоченными Госиздата, снабженными соответствующими удостоверениями, во всех киосках Всесоюзного контрагентства печати, а также во всех почтово-телеграфных конторах.